

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ **ЛЕГИОНЕРЫ**

Марковцев

Михаил Нестеров
Легионеры

«ЭКСМО»

2002

Нестеров М. П.

Легионеры / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2002 — (Марковцев)

У диверсантов нет нервов, а у этих вдобавок нет и сердца. Им все равно, кого уничтожать – детей, женщин, стариков, им все равно, кто их нанимает – чеченцы, политические авантюристы, спецслужбы, – лишь бы платили. Им хорошо живется в мутной воде беспредела. Но с этим решительно не согласен бывший подполковник спецназа ГРУ Сергей Марковцев. Ведь из-за этих подонков погибли его друзья. Сергей идет на верную смерть, но эти отморозки умрут раньше. Впрочем, Марковцев и смерть – давние знакомые, и реакция у спецназовца всегда была быстрее...

© Нестеров М. П., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
1	5
2	10
Часть I	13
Глава I	13
3	14
4	16
Глава II	19
5	19
6	20
7	25
Глава III	29
8	29
9	33
Глава IV	37
10	37
Глава V	43
11	43
12	46
13	49
Глава VI	54
14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Нестеров

ЛЕГИОНЕРЫ

Все события и персонажи – плод авторского воображения. Выказанные в книге взгляды не следует рассматривать как враждебное отношение автора к религии, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные и общественные.

Лучшие всего дорогу к стаду знают волки.

Пролог

КАПКАН

1

Чечня, Шалинский район, декабрь 1996 года

Раннее утро. Холод снаружи и тепло внутри машины создавали неприятную атмосферу сырости. Во всяком случае, так казалось подполковнику Федеральной службы безопасности Николаю Гришину. Он пощупал лоб – холодный. Но офицера слегка знобило. Может, еще и оттого, что машина предположительно находилась под прицелом чеченских снайперов. Визуально Николай определил пару точек на местности, где могли укрыться боевые группы бандитов. Обычный состав – снайпер, гранатометчик и два его помощника, два-три стрелка. Любое движение или неосторожный жест чеченцы могли расценить как провокацию. «Щелкунчики» умели класть пулю туда, куда надо. Они часто использовали не только мелкокалиберные винтовки, но и оружие расчетного обслуживания: снайперские винтовки «Взломщик» калибра 12,7 миллиметра.

«Пощелкают, и от головы ничего не останется», – нервничал Гришин, посматривая из окна и глубоко затягиваясь сигаретой; за двадцать минут это была третья.

Подполковник был старшим в группе, прибывшей на двух темно-зеленых «УАЗах» и насчитывающей двадцать бойцов из роты особого назначения. Спецназовцы вышли из машин и рассредоточились, насколько позволяла местность. А она на этом участке – Чечен-Аул – Старые Атаги – ограничивала возможности для скрытого маневра, группа Гришина была у боевиков как на ладони.

В 1995 году здесь были сосредоточены главные силы боевиков, «центр активного противостояния федеральным войскам», шалинскую группировку взял под свое командование лично Аслан Масхадов. И, разумеется, бандиты чувствовали себя как дома, используя в качестве преград реки, каналы, господствующие высоты.

А сейчас, в эти декабрьские дни, российские войска спешно покидали Чеченскую республику. «Но война не закончена, она продолжается», – думал офицер ФСБ, впервые попавший в «горячую точку». Части федеральной группировки оставляли здесь то, за что год назад шла рубка не на жизнь, а на смерть. Больше полутора тысяч чеченских боевиков, танки, артиллерия, реактивные установки плюс помощь из Веденского района и близлежащих населенных пунктов, где были сосредоточены мобильные отряды «духов» общей численностью в пятьсот «штыков».

Тогда здесь хорошо поработала наша авиация, точными ударами с воздуха уничтожая опорные пункты, коих насчитывалось больше пятидесяти, склады вооружения и боеприпасов, бронетехнику, автомобили, живую силу противника. И по сей день видна кое-где работа русских асов.

А Николай Гришин до сей поры не мог понять, почему выбор пал именно на него, начальника направления 1-го отдела УБТ¹. «Что я, крайний по борьбе с терроризмом в Чечне? – продолжал нервничать офицер. – Или единственный и неповторимый в своем роде?» И злился еще больше, поскольку в данное время он готовился не бороться с терроризмом, а поощрять преступный бизнес. «Дипломат» черного цвета, который подполковник держал на коленях, был доверху набит стодолларовыми купюрами – выкуп за заложника, полковника милиции Виталия Дроновского.

Дроновский попал в плен три месяца назад, а шумиха вокруг него разгорелась такая, что, по мнению начальника УБТ, благословившего подчиненного на командировку в Чечню, заложник просидел в зиндане по меньшей мере год. И все стараниями небезызвестного предпринимателя Бориса Кесарева, вооруженного средствами массовой информации, где трудились подконтрольные ему «санитары», в свою очередь вооруженные телекамерами и перьями. Они раздули вокруг «кавказского пленника» грандиозный скандал: офицер старшего состава МВД в плену, а силовые органы не чешутся, словно это не их коллега сейчас подвергается пыткам и мучениям чеченского плена.

Как-то убого, однобоко, даже в ущерб себе писали газетчики, напрочь забывая, что, кроме полковника милиции, в плену томятся еще сотни российских граждан. В свете похищения Дроновского остальные пленники отошли на последние рубежи, были «сосланы» в низшую касту париев. Ведь писать о них – только бумагу марать. Не выделишь среди них ни одного, только в тысячной массе своей они производили какое-никакое впечатление на многомиллионную аудиторию.

Гришин думал о своем начальстве в неприглядном свете. Руководство госбезопасности пошло на позорное соглашение с Кесаревым, который предложил внести выкуп за милиционерского полковника и прекратить информационную шумиху, которую он сам и раздул. Добился своей цели, размышлял Николай Григорьевич, даже ценой «дипломата» с деньгами? Несомненно. Однако в информационном плане Борис Леонидович и проигрывал: ФСБ ни за что не пошла бы на джентльменское соглашение с ним, если бы предприниматель поставил условие публичного признания в створе трех сторон: чеченские бандиты – служба безопасности – сам предприниматель. Выкупая заложников, ФСБ расписывалась в собственном бессилии и стимулировала киднепинг. Ведь политика правоохранительных органов в вопросе о заложниках очень простая и твердая: никакого выкупа, а переговоры о безвозмездной передаче, обмен, силовая операция. «Святая троица».

И все же какие-то условия были соблюдены, не расписаны, конечно, на бумаге, а обговорены устно. Кесарев – «подковерный» политик – из любой нестандартной ситуации способен был выжать максимум для себя полезного.

Гришин чуть опустил стекло и щелчком выбросил на дорогу окурочек. Налил в крышку от термоса горячего кофе и взглянул на часы: чеченцы опаздывали на двадцать пять минут. Подполковник посмотрел через лобовое стекло на дорогу, этот заснеженный кровеносный сосуд, без которого немислимы ни мирная жизнь, ни военная. Она уходила вверх и терялась за горным поворотом. Было одно лишь место, где дорога снова попадала в поле зрения и исчезала, казалось, навсегда, уносилась в дикий мир с пещерными людьми, предпочитающими спать под каменными сводами на мерзлой земле, забавляться, снимая скальпы с пленных, отрезая им

---

¹ Управление ФСК – ФСБ по борьбе с терроризмом.

уши и носы, пинать отрубленные головы и заявлять во всеуслышание: «Теперь мы подчиняемся только Аллаху».

«Воины Аллаха» появились, когда истекли контрольные полчаса. Промелькнула на отмеченном подполковником участке дороги сначала одна машина, потом другая – копии «уазиков-таблеток», на которых прибыла на место встречи группа силового сопровождения. Командир роты особого назначения отдал приказ, и бойцы, рассредоточившись по два-три человека, взяли автоматы на изготовку, однако остались стоять: положение для стрельбы с колена или лежа – не для ситуации с выкупом заложника.

Из только что прибывших машин высыпала на удивление прилично экипированная смуглолицая братия: новая униформа, блестящие на утреннем солнце ботинки, «разгрузки», топорщившиеся полными кармашками; тогда как наши солдаты порой сами шили себе разгрузочные жилеты. У каждого бандита рация, обязательный нож в ножнах, «калаши» со спаренными магазинами. Причем автоматы явно не новые. Казалось, «духи» демонстративно прихватили с собой оружие, перемотанное изолентой: у одних «рабочая» синева на цевье, у других на прикладах и пистолетных рукоятках.

Последней к месту обмена подъехала «Нива» без номеров и с затемненными стеклами. Такие же непроницаемые стекла были и на «Волге», которая с трудом доставила подполковника ФСБ в этот район Шали. Гришин коснулся плеча своего коллеги и тихо сказал:

– Начинай.

Капитан Павлов включил видеокамеру и, оставаясь невидимым в коричневатом рассеянном свете салона машины, приступил к съемке. Камера чуть подрагивала в его руках, и он, не отрываясь от видеоискателя с большим резиновым наглазником, бросил водителю:

– Выключи мотор.

Вот теперь, когда стих рокот двигателя и вибрация не передавалась на кинохроникера из ФСБ, «картинка» в кадре не дрожала. Даже руки капитана приобрели крепость камня: камера была словно закреплена на штативе. Николай резко выдохнул и открыл дверцу. Синхронно с подполковником из «Нивы», остановившейся в пятнадцати метрах от «Волги», появился «дух» в камуфлированной униформе и теплой вязаной шапке, обмотанной полоской материи зеленого цвета. Лицо его наполовину скрывала густая курчавая борода и такие же лохматые брови. «Сука, ему бы вместо бушлата звериную шкуру надеть», – успел подумать Николай, делая навстречу полудикому парламентару первый шаг. Им завладели иные мысли, которые преследовали его всю дорогу, – о снайперах. Вот сейчас, когда нарочито вразвалку Гришин сблизился с чеченским бандитом, его голова была хорошо видна в оптический прицел. Прошлым летом на даче упал со стола арбуз, и Николай, проследив за его коротким полетом, словно для сегодняшнего дня запомнил, как от удара о пол трескается корка и вываливается сердцевина. Красная. Как кровь. Вот и его голова могла разлететься на куски от попадания в нее крупнокалиберной пули.

Он сделал десять шагов и остановился в метре от чеченца. В знак приветствия кивнул. Лицо осталось непроницаемым, как маска. Зато на лице «варвара» было ярко выражено пренебрежительное превосходство над русским офицером.

– Деньги привезли? – без малейшего акцента спросил чеченец.

– Да. Где заложник?

– В машине, – парламентар чуть повернул голову. – Мне нужно проверить деньги.

И вот они уже вдвоем идут к «Волге», на капоте которой удобно раскрыть «дипломат» и проверить подлинность купюр.

Одна пачка, вторая. Бандит, словно догадываясь, что его снимают на пленку, не обращал внимания на бойцов спецназа, словно их не существовало вовсе, зато изредка бросал взгляды на лобовое стекло. Но быстрый взгляд не позволял рассмотреть, что происходит в салоне, на стекле отражались проплывающие в синем небе облака, они едва не касались величественных

горных вершин, потрясаясь красивых, но не манящих, а наоборот, отталкивающих своей первозданной дикостью.

– Все правильно. – «Дух» не стал складывать пачки на место, а предусмотрительно смахнул их с капота в приготовленный полиэтиленовый пакет.

Он пошел чуть впереди, Николай – в шаге от него, чувствуя сквозь морозную свежесть кислый запах пота, исходящий от чеченца. «Шкуру бы ему, – повторился в мыслях подполковник. – Только не надеть, а набросить. Но не на плечи, а на тело. На мертвое тело. Чтобы скрыть его от взглядов посторонних и обозначить его принадлежность к необузданному миру, который он выбрал и... покинул навсегда».

Все те же десять шагов, и Николай остановился, провожая взглядом чеченца, крепко державшего в закорюзлых пальцах с заусеницами целое состояние. Провожал таким взглядом, словно бандит шел, запряженный в телегу, доверху набитую оружием и боеприпасами. Впрочем, так оно и было. Вскоре эти деньги превратятся в обоз оружия, обмундирования и продовольствия. Гуманитарная помощь боевикам от Федеральной службы безопасности.

Чеченец еще не дошел до своего «обоза», состоявшего из трех машин, а дверца стоящего в середине «УАЗа» открылась, выпуская на свободу человека с изможденным лицом. Небритого, бледного, как снег, захрустевший под его ногами. С покрасневшими глазами, в которых застыла влага. С руками, на которых атели следы от веревок. С надеждой, что самое ужасное время для него закончилось.

Он делал неуверенные шаги, очень похожие на те, что врезаются в память родителям малыша, который наконец-то пошел самостоятельно. Но подстраховка пленнику была нужна; и если бы Гришин не подоспел вовремя, Виталий Дроновский рухнул бы на мерзлую дорогу.

Уже во второй раз Николай возвращался к машине не один. И, что странно, невидимый прицел на снайперской винтовке «чеха», казалось ему, вел сейчас не его, а выкупленного заложника.

Нет, еще не скоро он вздохнет полной грудью, не скоро.

Позади раздался рев двигателей. Три машины, развернувшись на месте, взяли курс в обратном направлении. Наверное, Гришину показалось, что до него донесся хор смеха, похожий на дикое ржание лошадей. Когда он подошел к «Волге», «табун» скрылся за первым горным поворотом.

Опытный водитель «Волги» так же мастерски с пробуксовкой развернул машину на месте, колеса взрыхлили податливый грунт, выбивая косые снежные струи, и, будто поглаживая наледь, по нарастающей приобрели с ней сцепление. Вслед за «Волгой» тронулся сначала один «уазик» с бойцами, затем другой. Водитель легковушки, не снижая скорости, прижался к обочине и дал дорогу машине сопровождения. «Волгу» со старшим группы и освобожденным заложником взяли в «коробочку».

Не теряя времени, Гришин приступил к «горячей» обработке. Для начала он плеснул в крышку от термоса немного водки и помог Виталию поднести ее к губам. Руки пленника дрожали, зубы дробно били в пластмассу. Он выпил обжигающий напиток в два глотка.

– Подполковник ФСБ Гришин, – представился Николай. Человек, сидящий по левую руку от него, отдаленно напоминал человека в здравом уме и вообще здорового человека. Скорее, пациента, выписавшегося из психиатрической больницы закрытого режима. Ориентируясь на это определение и мысленно одев пленника в мышинного цвета китель с погонами полковника милиции, Гришин приступил к делу. И обращался к собеседнику соответственно.

– На все вопросы о твоём освобождении будешь отвечать, что не можешь открывать специфику работы спецслужб. Все мы рискуем. Но подумай, кто рисковал больше, выкупая тебя. В противном случае, полковник, мы потеряем престиж, а тебе сломают жизнь. Это так же верно, как то, что ты сейчас на свободе. Чаще вспоминай плен, где тебе было плохо, невыносимо тяжело. И если ты откроешь хоть часть правды, тебе будет в сто раз хуже.

Николай прекрасно понимал настроение и чувства, которые овладели сейчас Виталием. Он на свободе, избежал смерти, освободился от физических и душевных пыток. Он не только даст согласие, но всю оставшуюся жизнь будет благодарить его, Николая Гришина, человека, который буквально взял его за руку и отвел к машине. А огромная сумма, внесенная за его освобождение, примет образ абстрактного зеленоватого пятна на четком фоне сурового лица Николая.

Нет, Дроновский сейчас не полковник милиции и никогда уже им не станет, как не растет прямо надломленное деревце.

Из характеристики на Дроновского Гришин узнал, что он не курит. И вот сейчас, прикурив сигарету и предложив Виталию, он с двойственным чувством смотрел, как тот жадно затягивается, так умело, словно курил всю жизнь. Это еще одно доказательство того, что полковник сделает все, что потребуют от него органы госбезопасности.

Николай хорошо разбирался в людях, но именно сейчас (и как позже окажется – ошибочно) разобрался в этом вопросе до конца. Понял, как можно сделать из человека куклу, самому стать таким же неодушевленным, нечувствительным к чужой боли. Только сейчас он созрел до руководителя отдела перспективных программ, куда давно хотел перевестись, заваливая стол начальника рапортами.

И забрался в мыслях еще дальше. «Что, если, – ломал он голову над вопросом, который не давал ему покоя, – это задание не что иное, как долгожданный перевод... с перспективой возглавить управление?» Он и так знал много по службе, а теперь знает столько, что у него только два пути: по ковровой дорожке наверх или с грохотом вниз, в беспросветную бездну.

Эти мысли и лишние, и нет. Но они пришли и вскоре получили нечто похожее на подтверждение. С февраля 1997-го по октябрь 1998 года ФСБ на деньги Бориса Кесарева выкупит у чеченских боевиков девять заложников: журналистов ИТАР-ТАСС и телекомпании «Взгляд», руководителей ФСБ Ингушетии и англичан Камиллу Карр и Джо Джеймса. В трех случаях из пяти деньги будет передавать один и тот же человек (обычная практика), офицер ФСБ Николай Григорьевич Гришин. В остальных случаях роль посредников в передаче денег ляжет на доверенных лиц щедрого предпринимателя – Балауди Давлетукаева и его друга Асламбека Шерипова.

А пока машины неслись по заснеженным просторам Шалинского района Чечни, некогда Шалинского узла, который включал два хорошо подготовленных рубежа обороны боевиков. «Дворники» исправно сметали со стекла снежную кашу, сыпавшую из-под колес впереди идущего «УАЗа». Капитан-оператор давно выключил видеокамеру, в чреве которой хранились документальные доказательства работы спецслужб, – это и отчет о проделанной работе, и очередной хомут на шею всем участникам спецоперации.

Дроновский спал, уронив голову на плечо капитана. Кто знает, может, ему снился дом, жена, дети. Или холодная пещера, обессиленные и обреченные товарищи по несчастью, так и оставшиеся в каменном мешке. А там, в плену, ему снилось только одно: свобода.

2

Москва, декабрь 1996 года

«Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция «Царицыно».

Мгновения – и первый вагон электрички, в котором ехал Сергей Марковцев, оставил позади платформу станции «Кантемировская». Сергей поправил прядь волос, часто сбивающуюся под фуражкой и наползающую на глаза. Волосы были еще не такие длинные, чтобы прихватывать их на затылке резинкой. Высокий и худой, с бородкой и подзабытой многими прической, закрывающей уши, в головном уборе с коротким лакированным козырьком, Сергей походил на студента времен революции 1905 года. Для полноты ощущения не хватало очков в тонкой золотистой оправе. Вот тогда следящего за ним человека лет тридцати на вид можно было бы назвать шпиком из царской охраны.

Кто он? – думал Марковцев, готовясь к выходу и потеснив стоящих впереди. Откуда? Лишь бы не из ГРУ. Но нет, если бы он был оперативником военной разведки, не дал бы срисовать себя так быстро. Марковцев знал, как работают парни из 1-го направления ГРУ, подразделения, которое не входило в состав управлений «Аквариума», а вело агентурную разведку в Москве. Кроме вербовки агентуры в столице России, это направление выполняло задачи по внедрению офицеров военной разведки в МИД, РАН, нередко в силовые ведомства МВД и службы безопасности. Все то, что взял на вооружение бывший подполковник Главного разведывательного управления Сергей Марковцев.

До начала лета 1996 года он возглавлял секретное подразделение в криминальной организации «Группа «Щит». «Щит» был создан по указу президента и министра внутренних дел России, «в котором утверждалось создание, регламентировался порядок присвоения этой тайной организации званий офицеров внутренних войск...». Равно как и указ главы страны, этот документ оказался поддельным. Марковцеву передавались списки «нежелательных» граждан (в основном лидеры преступных группировок, бизнесмены и чиновники), и он с бойцами группы особого резерва устранял их.

Он лично курировал группу дискредитации и вербовки среди правоохранительных органов и до сей поры пользовался их услугами.

Сергей прибыл в Москву из Новограда и после встречи со своим бывшим боссом, занимающим высокий пост в правительстве, заметил за собой «хвост».

На его хозяина не поднимется ни одна рука, кто бы ни управлял ею – службы безопасности, РУБОП и прочие. Исключение – военная разведка. И то лишь в единственном контексте: выйти на группу силовиков своего бывшего коллеги.

Но с каждым мгновением Марковцев убеждался в обратном: филер, одетый в модную куртку, не имеет к ГРУ никакого отношения. Следствие по «Группе «Щит» продолжается, равно как и отработка связей высокопоставленного чиновника. Его не тронут, но московское РУБОП вот уже год тщетно пытается выйти на группу особого резерва. Их задача – посадить на скамью подсудимых рядовых членов и хотя бы одного из руководителей «Щита». Сгодится Марковцев, на котором висит несколько громких преступлений.

«Станция «Царицыно»... Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция «Орехово».

Сергей шагнул на перрон в тот момент, когда двери электрички с шумом поползли навстречу друг другу. Он не стал оборачиваться, ибо чувствовал на спине острый взгляд незнакомца.

Отрабатывает связи вице-премьера. И уже сегодня на стол руководителю следственной группы Николаю Баженову ляжет описание человека, который встречался с чиновником в неформальной обстановке.

Чушь, конечно, у того десятки встреч, обрабатывать каждую – не хватит сотрудников всей московской милиции. Тогда где произошла утечка? Перехватили междугородный телефонный звонок? Случайно?

Нет, ставить прослушивающее устройство такой важной персоне себе дороже, можно враз лишиться погон и должностей.

Выходит, случайно. Хорошо бы случайно, успокаивал себя Марковцев.

До выхода из электрички он не подавал виду, что заметил за собой слежку, лишь поспешное движение в самый последний момент сказало «товарищу», что его либо раскрыли, либо объект провел обычную сбивку. И тем самым подтвердил свою незаурядность.

Вечером, только вечером этот болван сможет представить начальству подробный рапорт о проделанной работе, а сейчас, полагал Сергей, РУБОП в неведении о рискованном рейде своего сотрудника. Рискованном потому, что вел его к открытой платформе железнодорожной станции «Царицыно», последней станции в жизни этого безымянного оперативника. Он пока еще не выдохся, но в подворотню за объектом, срисовавшим «хвост», не пойдет.

Разведчики нелегалы или работающие под прикрытием дипломатических должностей были обучены и строго выполняли директиву: при обнаружении слежки ни в коем случае не отрываться от «хвоста». Поскольку это не что иное, как доказательство причастности к разведывательным органам. Марковцев намеренно «обострил проблему» и приготовился разрешить ее при помощи семизарядного «вальтера». Один из десяти, прикинул он, что оперативник последует за ним. Он прекрасно понял, с кем имеет дело, и постарается снять наблюдение как можно быстрее.

Но не в подземке. В нем крепко сидят инструкции, и он постарается зафиксировать любой объект в виде жилого или административного здания, куда может войти его подопечный, и только после этого сворачивать наблюдение. Все эти зацепки, тщательно проанализированные и обработанные, лягут в основу нового плана действий.

А пока оперативник сам анализировал поведение своего подопечного, перебирал в уме ориентировки на руководителя группы особого резерва «Щита» и, может быть, не без доли опаски думал: «Неужели это он?» Что знает о Марковцеве следственная группа? По данным, которыми располагал Сергей, немного. Его возраст – да, его причастность к спецслужбам – да. Наслышаны о его артистичной дерзости, располагают приблизительным списком его боевиков – агентов спецслужб, и списком жертв. Когда выяснилось, что «Щит» не имеет к МВД никакого отношения (за исключением указа министра), а является чисто криминальной структурой, один из главенствующих фигурантов «Щита» распрощался с жизнью. И у следствия были веские причины утверждать, что это работа отряда особого резерва, имя главы которого до сей поры оставалось неизвестно.

Сергей долго выбирал между двумя перспективами: остаться на воинской службе или стать на преступную тропу. Сделал выбор, когда ему присвоили очередное звание подполковника; а на спусковой крючок нажал, выполняя заказ, когда оставил ряды Вооруженных сил, уйдя в отставку.

На платформе станции «Царицыно» немногочисленно. Эхом отозвалось в ушах сообщение о прибытии электропоезда. Оперативник сделал шаг к краю платформы, тем самым давая ясно понять, что работу свою он сворачивает.

Марковцев надвинул фуражку на глаза. Казалось, он мало что различает из-под глянцевого околыша. Но он видел все, в частности, недоуменный взгляд филера, который не знал, как отнестись к дружественному жесту Марковцева. Он не нашел ничего лучшего, как оглянуться и снова взглянуть на объект: «Это вы мне?»

Тебе, тебе, продолжал улыбаться Сергей шпику, как старому знакомому, помахивая у плеча левой рукой. Рукоятка «вальтера» привычно вписалась в ладонь киллера, большой палец потянул курок.

Расстояние до жертвы впечатляло. Как позже установит следствие, «находясь от потерпевшего на расстоянии восемнадцати метров (платформа ж/д ст. «Царицыно»), Марковцев С.М. произвел четыре выстрела из пистолета системы «вальтер»...».

Марковцев и не думал еще раз показать себя классным стрелком, это ситуация диктовала условия. И еще тот факт, что, находясь в непосредственной близости от жертвы, он увеличивал шанс составить свой, похожий на оригинал фоторобот. А так, отстреляв по жертве с достаточно большого расстояния, рискованно прыгнул с платформы прямо перед взывшей предупредительным гудком электричкой. Единственно, что запомнили очевидцы, – это длинные волосы, выбившиеся из-под фуражки, отметили рост преступника – примерно метр восемьдесят пять, и возраст – тридцать – тридцать пять.

С этого дня он прекратил всякие отношения с чиновником и продолжил скрываться от следствия в Новоградской области. До первого ареста бывшего подполковника ГРУ оставались считанные месяцы.

Часть I

ВРЕМЯ СОВЕРШАТЬ ОШИБКИ

Глава I

За месяц до основных событий

«Председатель правительства РФ Михаил Касьянов 3 сентября подписал постановление об обеспечении членов семей военнослужащих, захваченных в плен или в качестве заложников, а также интернированных в нейтральных странах, различными видами довольствия (кроме денежного), положенного военнослужащим. В постановлении говорится, что это обеспечение будет продолжаться «до полного выяснения обстоятельств захвата военнослужащих в плен или в качестве заложников, интернирования или освобождения». Право на обеспечение имеют члены семей военнослужащих – супруга (супруг) или проживающие совместно с ними несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, а также дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в общеобразовательных учреждениях по очной форме обучения»².

«27 августа 2001 года „Новая газета“ в спецвыпуске опубликовала девять фрагментов книги Александра Литвиненко „ФСБ взрывает Россию“. Официальных высказываний с Лубянки, 2, по поводу труда бывшего чекиста пока нет. Однако, насколько известно, должностные лица и рядовые сотрудники ФСБ, упомянутые Литвиненко, рассматривают возможность подать иски в суд за нанесение морального ущерба».

---

² Здесь и далее приводятся сводки из еженедельного приложения к «Независимой газете» «Независимое военное обозрение».

3

Москва, 22 октября 2001 года, понедельник

Ответственный по связям ФСБ с общественностью генерал-лейтенант Синиченко часто бывал гостем студии «Россия», и всякий раз в голову Виктора Николаевича приходили строки из детского стихотворения, которые он переиначивал, усаживаясь перед телекамерами: «А из этого окна площадь Красная видна». За его спиной – стены Кремля, купола церквей и соборов, по определению говорить можно только как на духу. Однако частенько генерал, вращая плутоватыми глазами, путая и себя, и общественность, и тех, кто стоял между ними под покровительством богини вестей Ириды – журналистов, сообщал народу заранее подготовленную ложь.

Так, недавно он комментировал обвинения, прозвучавшие в адрес Федеральной службы безопасности из уст Кесарева Бориса Леонидовича, который «хочет расшатать политическую обстановку в стране». Сегодня Синиченко возвращался к этой теме.

Режиссер – молодая привлекательная блондинка с родинкой на правой щеке – передала генералу текст вопросов, на которые ему было предложено ответить в прямом эфире.

Синиченко не ощущал себя именно ответственным по связям с общественностью, скорее – преуспевающим политиком со стабильной ежедневной парой-тройкой минут в эфире. Некоторые депутаты и политологи рады и пятнадцати секундам «он-лайна», а в Государственной думе по этому поводу недавно разгорелся скандал: дескать, существуют тайные списки, согласно которым на телеэкранах появляются одни и те же политические мужи, в оригинале – рожи.

Помощник звукооператора прикрепил на лацкане генеральского пиджака микрофон-петличку, прицепил за ухо миниатюрный наушник и скрыл провода за спиной «говорящей головы ФСБ». Генерал сидел неподвижно, и у ассистента сложилось впечатление, что он готовит к работе новую модель киборга. Что почти подтвердилось, когда Синиченко «ожил», услышав в наушнике приветствие от ведущего из Останкино.

– Сегодняшний гость студии «Россия» – ответственный по связям ФСБ с общественностью Николай Синиченко. Здравствуйте, Виктор Николаевич!

– Добрый вечер, Михаил! – приветствовал ведущего гость.

– Как вы можете прокомментировать заявление директора ФСБ, который после заседания в Кремле сказал о том, что располагает доказательствами причастности Бориса Кесарева к финансированию бандформирований в Чечне?

– Я вас поправлю, Михаил: я не могу комментировать директора ФСБ. Во-первых, он четко и грамотно излагает свои мысли.

– Хорошо. Можете ли вы шире раскрыть тему его заявления?

– Пожалуйста. Позавчера во время проведения силовой операции в селении Халкилой – Шатойский район Чечни – были задержаны доверенные лица Кесарева: Балауди Давлетукаев и Асламбек Шерипов. Они уже дали показания, которые совпадают, естественно, с показаниями полковника милиции Дроновского. Его, если вы помните, боевики взяли в плен в начале сентября 1996 года. Чеченские бандиты и Кесарев действовали в одной связке. Первые захватывали заложников, второй выкупал их на собственные деньги. На самом же деле это тщательно проработанная техника, я бы сказал, официального финансирования боевиков. Спецслужбы России не располагают такими деньгами – я напомним, что Дроновский был выкуплен за полтора миллиона долларов, родственники полковника милиции также не могли набрать такую огромную сумму. То есть, заведомо зная, что спецслужбы ни на какой выкуп не пойдут и принципиально не дадут этого сделать близким заложников, бандиты все же шли на похищения

известных российских граждан. Тогда на сцену выходил Кесарев со своими миллионами. Он срывал планы ФСБ и УБОП, которые готовились к силовым мероприятиям, и поощрял преступный бизнес. Заодно разжигал нездоровые разговоры вокруг Федеральной службы безопасности, обвиняя в коррумпированности и беспомощности ее сотрудников, и зарабатывал себе очки. И многие верили и продолжают верить ему. Сейчас мы располагаем доказательствами по трем фактам финансирования чеченских боевиков, где задержанные в Халкилой бандиты являлись посредниками Кесарева: передавали полевым командирам деньги и забирали заложников.

– Вы можете назвать имена тех, кто содержался в плену и был выкуплен на деньги Кесарева?

– Пожалуйста. Февраль 1997 года – корреспонденты ОРТ Васнецов и Ржанов. Август 1997 года – корреспонденты телекомпании «Взгляд». Март 1998 года – руководители ФСБ Ингушетии. И, как я уже сказал, в декабре 1996 года – полковник милиции Дроновский. И всегда посредниками выступали Давлетукаев и Шерипов.

– Является ли ваше заявление ответом на выступление Кесарева на тему «ФСБ взрывает Россию»?

– Нами движет долг, а не эмоции, вызванные оскорбительными и порочащими честь мундира выступлениями Кесарева.

– Ну что ж, спасибо, Виктор Николаевич. Напомню нашим телезрителям, что гостем студии «Россия» сегодня был ответственный по связям ФСБ с общественностью генерал-лейтенант Синиченко. А гость «Останкино» сегодня – полковник милиции запаса Виталий Дроновский.

Пока генерала освобождали от проводов, он не без интереса поглядывал на экран, находящийся сбоку от него. Там крупным планом показывали лицо бывшего пленника. Синиченко пропустил вопрос ведущего, его интересовали ответы гостя «Останкино». Виталий вел себя спокойно, его ровный голос повествовал о том, чего не было на самом деле:

– Шерипова по кличке Корсар я несколько раз видел в расположении банды Закира Ахметова. Последний раз мы встретились в конце 96-го в Аргунском ущелье. Шерипов внес выкуп, и меня освободили...

4

Париж, 23 октября, вторник

Сидя в удобном глубоком кресле, которое словно обхватило этого щедедушного лысеющего человека, больше походившего на профессора, нежели на интригана с мировым именем, Борис Кесарев слушал своего помощника и, всегда отличаясь взвешенными решениями, с выводами и оценками пока не спешил.

Хотя поспешить стоило. Из конфиденциальных источников Борис Леонидович узнал о намерении французских властей выдать его правоохранительным органам России.

– Повтори еще раз, – в своей обычной манере переспрашивать попросил Кесарев Виктора Христова, невысокого брюнета с внешностью карьерного дипломата. – Запрос на мое дело затребован или только готовится?

– Затребован, Борис, – ответил Христов – действительно, незаменимый помощник, классный адвокат, а вот друг – с натягом, поскольку всех своих друзей Борис Леонидович потерял еще в студенческие годы. А в бизнесе и политике друзей, как правило, нет. Кесарев в последнее время стал остро ощущать их нехватку и искусственно наделил Виктора дружеской улыбкой, рукопожатием, просто взглядом.

Однако взгляд у Христова был неприятный. Виктор частенько приподнимал брови, морща при этом лоб, и, как спросонья, лениво моргал глазами. Получалось с долей пренебрежительного превосходства над собеседником.

Кесарев встал и сунул руки в карманы брюк. Покачавшись с носка на пятку, энергично прошел к окну и долго созерцал парижскую улицу, мысленно представляя себя перед окном своего московского офиса. Он даже метафизически не мог увидеть в прохожих своих соотечественников, поменять марки автомобилей, среди которых изобиливали бы отечественные легковушки, трансформировать фон голосов, изменить погоду... Просто он верил своим глазам. А глаза никогда не обманывают.

Наверное, он чересчур долго стоял так, поскольку всегда тактичный помощник, поглядывая на сутулого босса, одетого в темный элегантный костюм, напомнил о себе:

– Я тебе больше не нужен, Борис?

– Нет, останься. – Кесарев взял со стола копии бумаг из кремлевской администрации, доставленные помощником, и прочел еще раз. В них говорилось об усилении борьбы с финансированием террористических группировок. Собственно, готовился указ президента России. Когда президент его подпишет? Борис Леонидович – главный и первый подозреваемый в финансировании чеченских бандитских формирований – предположил, что не раньше января. Обычно все важные законы и постановления вступают в силу в самом начале года.

Бизнесмен взял со стола свежий номер газеты «Русский путь». Менеджмент этого периодического издания находился в руках Кесарева, вначале сиявшего под теплыми кремлевскими звездами, затем оказавшегося в тени его стен, а потом и вовсе в опале у человека, который навсегда покинул Кремль через Боровицкие ворота. А тот, кто въехал в них, пошел дальше: для Бориса Леонидовича все российские рубежи оказались огорожены, подобно Великой Китайской стене, кремлевскими стенами.

Тогда он, нокаутирующим ударом отправленный в изгнание, выступил с критикой, назвав Россию страной, где всем правит мафия. Потом деликатно поправился – грязные преступники. Ибо к настоящей мафии они не имеют никакого отношения. Мафия – это аббревиатура старинного лозунга: «Morte Alla Francia, Italia Anela» («Смерть Франции, вздохни, Италия»), рожденного во время народного восстания на Сицилии аж в 1282 году.

И вот спустя семь веков с небольшим в особняке, принадлежащем русскому предпринимателю, снова готов был раздаться грозный клич: «Смерть Франции (которая выдает одного из пропавших российских сынов)! Умри, Россия!»

Кесарев лишь на минуту представил себя, спешно собирающегося в дорогу. Легкая суета в офисе, небольшая паника на его вилле в Сен-Дени, пригороде Парижа, слегка удивленные, но не растерянные лица помощников и в последнюю очередь – невесты.

Борис Леонидович скривился: он не любил этого слова. Элеонора, или Элеонора Давыдовна, как называла ее прислуга, не претендовала на такое определение. Слишком молода и чертовски красива, чтобы хоть сколько-нибудь ходить в невестах. Невеста, по определению Бориса Леонидовича, – нервничающая дурочка, не находящая себе места. Ее мир – это шифоньер, даже не платяной шкаф, в котором висит на плечиках свадебное платье. Висит, стареет и... надоедает.

Элеонора спросит: «Куда мы теперь?» Он мог ответить ей лишь одно: «Не знаю». А потом в Орли на глазах у сотен людей последует арест беглеца. Если ты бежишь из такой страны, как Франция, значит, автоматически доказываешь свою вину.

Вот этого не хотел Кесарев. Официальной фразы, десятка жандармов и одетых в штатское сотрудников спецслужб. И не обязательно в аэропорту, а на любом из десятков постов, что разбросаны по автодорогам, ведущим в Бельгию, Люксембург, Монако, Швейцарию, где на берегу Женевского озера он снимал уютное шале.

– Что ты решил, Борис? – спросил Христов, словно читая мысли босса. – Мой тебе совет: уезжай в Швейцарию.

– Выражайся точнее, – поправил его Кесарев. «Никуда я не побегу. Пусть арестовывают изгнанника, но не беглеца», – подумал он и снова обратился к помощнику: – И ты мне нужен здесь. Сию минуту начинай писать протесты во все инстанции. В первую очередь – в Минюст.

– Который и подпишет решение о выдаче, – закончил Виктор.

– Хочешь сказать, что тебе нечем заняться?! – вспылил босс. – Теперь у нас дел невпроворот. Хоть разорвись! Есть деликатное поручение в Москве, а ты нужен здесь, – повторился Борис Леонидович. – Впору самому ехать... в Москву! Надевать траурную повязку и заказывать билет.

Адвокат улыбнулся.

– Все, иди, – махнул рукой бизнесмен. – Мне надоела твоя веселая физиономия.

Отпустив помощника, Кесарев устроился за роскошным письменным столом XVIII века. За такими столами в старину сидели арматоры и подписывали деловые бумаги; обанкротившиеся писали предсмертные записки, доставали из ящика оружие и пускали себе пулю в сердце.

Борис Леонидович сделал телефонный звонок, поджидая свою несравненную Элеонору. Не бывшую мисс – к коронованным на конкурсах красоты девицам Кесарев относился пренебрежительно, называя их обглоданными костями – он вкладывал в эту фразу двойной смысл: и относительно параметров фигур, и, собственно, откровенного использования красоток спонсорами и членами высокого жюри.

Наверное, Кесарев поступал правильно, отсылая любимого человека, освобождаясь от него. А рядом с Норой Борис, чего греха таить, иногда посматривал бы на нее искоса, ибо в определенные моменты она могла помешать его серьезным измышлениям. Нервы, чувства раздражения и вины, ожидание новых приступов недовольства – справиться с таким комплексом можно, но только в ущерб взаимоотношениям.

А в отношениях с Норой он придерживался определенных правил. Именно правил, ибо по жизни был игроком. Она у Бориса – третья, и он подсознательно боялся, а порой закрывал глаза, чтобы в определенный момент не заметить какого-нибудь пусть даже самого маленького грязного пятнышка. И сам боялся испачкаться, но больше всего – в очередной раз разочароваться.

Делал невозможное, готов был стать близоруким, слепым и глухим. Слово «счастье» стал ценить, когда разменял «полтинник». А раньше на счастье шел посмотреть, как на премьеру спектакля. Садился в ложу и смотрел. Ну разве не счастье? По молодости лет потирал ручки: он на самом хорошем месте, снизу его лорнируют шикарные дамы в вечерних туалетах, а некоторые вообще билетов не достали.

Нора для Бориса – и жена и дочь в одном лице. Он вывел формулировку: двойная ревность. И призадумался: он больше любил или ревновал? На этот вопрос не ответишь, пока не определишь границы хотя бы одного из чувств – для сравнения. А граница – материя тонкая, почти неосязаемая, ее порой перешагнешь и не заметишь. Лишь оглянувшись, чешешь в голове: «Эх ты! Перешагнул все-таки...»

Выходит, границы эти взаимопроникающие – наконец успокоился Кесарев, отыскав убедительное определение. И не закончил мысль, а отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи: сегодня подольше поревновал, завтра подольше полюбил.

Он на минуту призадумался. В пригороде российской столицы у него имелся роскошный дом, который до сей поры поддерживает пожилая домработница. Дом большой, стоит в лесу, от соседей его отделяет с одной стороны сто метров, с другой – около двухсот. Кесарев по себе знал, как неуютно порой в огромном доме, пространство вокруг которого словно сгущается, вызывает чувство тревоги и неуверенности – хотя бы в телохранителях. Предприниматель сравнил свой дом с островом, на который высадились бандиты, пираты, если сравнивать до конца. Где искать защиту?

Нет, решил он, Элеоноре спокойней и безопасней будет в любой из четырех московских квартир, принадлежащих предпринимателю. Подойдет роскошная четырехкомнатная в элитном доме на Соколе. И сам бизнесмен предпочитал жить в многоэтажках. Для отдыха или деловых встреч он отдавал предпочтение загородным домам, или шале.

И все же Кесарев не считал свое положение безвыходным. Ключ от камеры в СИЗО Лефортово ему подкинули те, кто настежь распахнул тяжелую скрипучую дверь, приглашая шагнуть в гулкое пространство надолго. То был грубый просчет спецслужб, которым предприниматель не мог не воспользоваться.

Глава II «КАЖДЫЙ ДЕНЬ КАК НА ВОЙНЕ»

«Информационное управление президента России сообщило, что за период проведения контртеррористической операции на территории Чеченской республики с 1 октября 1999 г. по 10 октября 2001 г. потери федеральных сил составили 3 тыс. 438 человек погибшими и 11 тыс. 661 ранеными. Из них потери Минобороны – 2 тыс. 136 погибшими и 5 тыс. 763 ранеными. Потери МВД – 1 тыс. 196 погибшими и 5 тыс. 399 ранеными. Другие ведомства – 106 погибших и 499 раненых. В то же время федеральные силы уничтожили около 11 тыс. боевиков, среди которых главари экстремистов, иностранные наемники и международные террористы».

5

Чеченская республика, 28 октября, воскресенье

Юрия Комалеева, члена редколлегии газеты «Русский путь», в Чечне называли Освободителем. Сколько людей он вытащил из плена – не сосчитать. Начинать заниматься этим опасным ремеслом в 1996 году совместно с Комиссией при президенте России по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести и не без поддержки и помощи Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ. Потом бывший военный журналист бросил Комиссию и создал свою «артель старателей» – так пренебрежительно называли его небольшую группу в Чечне российские военные и местные жители. В нее в том числе входило руководство газеты «Русский путь».

До начала «второй чеченской» в Грозном, в специально отведенных местах, вывешивались списки пленных, рядом скучали редкоурые чеченские юнцы, готовые дать расклад на каждого человека из списка: сколько требуют за него бандиты и в какой срок необходимо внести сумму, чтобы заложник попал в руки родственников целиком.

Сейчас все изменилось – никаких официальных списков. Те редкоурые юнцы, кого еще не нашла пуля и не накрыла взрывная волна, стали носить бороды, кто-то из них спустился с гор и осел в селениях, кто-то продолжал прятаться в горах, но все они так и не перестали быть бандитами. Все.

Сегодня с утра Комалеева можно было увидеть в нескольких километрах от Грозного, там он имел честь побеседовать с российским полковником из ханкалинской военной комендатуры.

Полковник – нервный и невыспавшийся, с покрасневшими (Комалееву показалось – похмельными) глазами, одетый в мятую, но со свежим подворотничком куртку, – спросил:

– Все воюешь?

А для Комалеева прозвучало тоном подпоручика из известного фильма: «Все поешь?»

Действующий полковник и бывший военный журналист ненавидели друг друга. Из-за того, наверное, что не понимали или не хотели понять.

Комендант сказал:

– Ты выкупил одного заложника, но автоматом на его место посадил на порядок больше.

Спрос рождает предложение, о чем говорить?

Комалеев бесцеремонно потянул военного за рукав к окну и кивнул на трех женщин, прилетевших в Чечню вместе с ним.

– Ты это им скажи. Это их сыновья сейчас в плену. Те, кто обязан заниматься освобождением заложников, вообще ничего не делают.

Проблема, думал полковник, глядя из окна на русских матерей, проблема... как бы это лучше сказать... индивидуальная – нашел он довольно точное определение. Эти женщины набрали, наскребли нужную сумму, считай, решили задачу в частном порядке, зато усугубили ее для других, таких же несчастных, как и они сами, пополнили список заложников. Кто знает, может быть, вон тот солдат, что появился из-за угла здания с ведром, завтра окажется совсем в другом месте.

Полковник сплюнул через плечо. Потом еще раз. И еще. Трижды, в бога мать!

Здесь, в Ханкале, как ни в одном другом месте, знают о деятельности бывшего военного журналиста, но сказать ничего не могут. Поди скажи матерям: «Нет, мы не разрешаем». Не разрешаем чего? Законного права видеть рядом своих детей? У них появился шанс, и они не могут не воспользоваться им, не имеют права, каждая из них готова обменять себя на сына.

И спецслужбы закрывают на эту проблему глаза. Ну попытаются они проследить за Комалеевым – раз плюнуть, возьмут банду вымогателей, а через час пленным пацанам, сидящим в подвале какого-нибудь кишлака, перережут горло и выбросят трупы на всеобщее обозрение.

Обычно бандиты, получив деньги от Комалеева, ночью вывозили заложников в безопасное место и развязывали им глаза и руки, наутро их обнаруживали и везли в ближайшую комендатуру. А женщины здесь потому, что хотят находиться рядом, вынашивают, как беременные, планы увезти детей домой. Поскольку были случаи, когда измученных освобожденных парней сажали на гауптвахту, допрашивали...

Женщины поджидали Комалеева, чтобы вместе с ним лететь в Шатой. У одной из них в Верхнем Дае – порядка двадцати километров от Шатоя – погиб племянник, и она хотела побывать на том месте. Все равно им здесь находиться не меньше недели. Однако Комалеев отказал им.

«Ми-8», летевший во Владикавказ, уже поджидал его на военном аэродроме Ханкалы, свободными оказались несколько мест.

В Шатойском районе – примерно сто километров от Грозного – тихо, военные полностью контролировали ситуацию. В военной комендатуре Комалееву выделили «уазик», которым он пользовался всякий раз, когда прилетал сюда, водителя и пару автоматчиков.

– В Верхнем Дае сейчас отряд подполковника Джаноева, – успокоил прибывшего начальника военной комендатуры, которого Комалеев называл Сергеем Васильевичем и был с ним на «ты».

Обычно спокойный и уравновешенный Комалеев сейчас нервничал. Задание, полученное от Бориса Кесарева, подразумевало собой встречу с боевиками чеченского полевого командира Закира Ахметова. С деньгами сейчас у боевиков туго, и за видеокассету, которая, возможно, есть у Закира, последний получит от тридцати до пятидесяти тысяч долларов – торг в этом случае уместен.

– Поехали, – распорядился Комалеев, заняв место в салоне «УАЗа». Хотя можно было никуда не ехать: людей Закира, с которыми он должен был встретиться, наверняка почистили. Рядом с водителем расположился рядовой мотострелковой роты, в салоне – его товарищ. Оба бойца спокойны, перед журналистом держатся уверенно. На вопрос Комалеева «Как служба?» – вооруженный пацан ответил: «Нормально, папаша!» И простуженно шмыгнул носом.

6

Подполковник Роберт Джаноев, прозванный за крутой нрав Антихристом, активно вел допрос. Два чеченских ублюдка, попавших в руки федеральных сил во время зачистки в селении Циндой, сейчас давали показания. Один – лично Джаноеву, другой – капитану Денису

Рябцеву. Чеченские бандиты находились во временном следственном изоляторе. Сейчас рано отдавать в руки ФСБ и МВД двух бандитов, главное, расколоть их горячими, пока кровь на лицах, пока их раны и ссадины не покрылись пленкой.

– Отвечай, падла! – напирал Антихрист, имеющий колоссальный опыт в делах такого рода. Он не церемонился, зная, как поступают с пленниками чеченские изверги. Частенько из его рук бандитов увозили с переломанными челюстями и ребрами. – Что вы делали в Циндое?

Повертев в руках шомпол от «калашникова», Джаноев пояснил:

– В одно ухо забью, из другого вытащу.

– Мы должны были встретить одного человека, – начал давать показания чеченец, худой, но жилистый и выносливый, как диверсант.

– Дальше? – торопил его Джаноев.

– Он русский. Встретиться должны были в доме старейшины.

– Твой командир Закир Ахметов?

– Да.

– Так, давай подробно про русского. Кто такой, откуда?

– Не знаю его имени, командир. Джаноев открытой ладонью со всей силы ударил боевика по уху.

– Я тебе башку пробью, если еще раз назовешь меня командиром!

Чеченец трясся всем телом. Получасом раньше он нарвался на пару гостеприимных «федералов», а еще раньше попал под каток спецназа ГРУ во время зачистки. Думал, конец, убьют, но бойцы били настолько сильно, чтобы только не убить.

– Он должен приехать в Циндой на машине.

– На какой?

– «УАЗ».

– Номер?

– 330.

Джаноев вышел в коридор и поманил из соседней камеры Рябцева. С капитаном они прослужили немало, навели ужаса в Ножай-Юртовском районе и взялись за работу в Шатое. Еще в Ханкале он не без оснований давал инструктаж сводному отряду, в состав которого вошли спецназовцы ГРУ: «В горах все бандиты. Горы – это предзонник, там можно и нужно валить всех. Хороший бандит – мертвый бандит». И вскоре десант высадился в Шатое. Основание – информация о нахождении там отряда чеченских боевиков. Сообщение подтвердилось только отчасти, удалось взять только двух «духов».

После зачистки в селах Шатойского района основные силы десантников рассредоточились в Верхнем Дае и на выездах из села. Командовал ими заместитель подполковника Джаноева майор Сергей Соколов.

– Денис, что твой бормочет?

– Пока ничего внятного.

Антихрист отстранил плечом младшего товарища и шагнул в камеру.

– Ну! – Он сверкнул желтоватыми глазами на второго чеченца. – Колись, падла, про «УАЗ»! Кто на нем должен приехать в Циндой?

– Не знаю. Какой-то русский.

– Смотри на меня, тварь! – приказал подполковник. – Я русский и приехал в Циндой на «УАЗе», встретился с тобой в доме старейшины. Дальше!

– Мы должны были взять деньги и передать видеокассету.

– Номер машины?

– И-330.

– Нет такой буквы на номерах машин! На них только латинские, мразь!

– Да там латинская «И».

– Сука, я убью его, – подполковник, мастерски изобразив беспомощность, посмотрел на капитана. – На номере латинская «i» с точкой, ты понял? Залетная, мимоходом из Америки. Точка вверху или внизу? – спросил Джаноев, вспомнив, видимо, что символ Антихриста – перевернутый крест.

– Вверху.

– Все, он достал меня. – Подполковник обернул кулак носовым платком и бросил капитану: – Выйди, Денис, я утру парню соплю.

И с первого же удара сломал ему челюсть.

* * *

Дозор старшего лейтенанта Виктора Шабанова находился в паре километров от Верхнего Дая. Спецназовцы контролировали дорогу, ведущую к селу. Командир, выслушав по радиации сообщение от подполковника Джаноева, привлек внимание бойцов:

– Выходим. Объект – «УАЗ», номера предположительно 330. Останавливаем, задерживаем. В случае неподчинения есть предписание начальства живыми никого не брать.

Трое разведчиков остались на виду, остальные затаились. Рядом с командиром – снайпер расчета Кирилл Журенков. В руках Жмурика «классика», снайперская винтовка Драгунова со стандартным прицелом ПСО-1М2 и 7,62-миллиметровыми патронами. Наглазник на оптике убран, Жмурик не любит «излишеств» и привык «открыто» смотреть в прицел, находящийся от глаза на расстоянии ровно восьми сантиметров. «Ни больше, ни меньше», – частенько говаривал Кирилл, многозначительно выпячивая губу. То же самое мог сказать про свои «мишени» при ближайшем рассмотрении: «десятка» – обычно это голова «чеха» – в клочья.

Стас Верещагин, которого все называли только по фамилии, как и остальные бойцы, вооружен новеньким «АК-102» и армейским автоматическим пистолетом Стечкина.

Вообще, расчет старшего лейтенанта Шабанова считался самым «чистеньким», униформу и бронежилеты перед командировкой покупали на свои деньги. Расходились во вкусах только в обуви. У командира, к примеру, обычные зимние сапоги фирмы «Саламандра». Он шагнул на дорогу, показывая показавшемуся из-за поворота темно-зеленому «уазику» остановиться.

* * *

На окраине Шатоя в «УАЗ» сели две проголосовавшие чеченки и пасечник из Циндоа, ловившие попутку до Верхнего Дая. Они завели громкий разговор на чеченском, изредка поглядывая на Комалеева. Рубашка у Юрия Васильевича была с застиранным воротником, носки с вытянутыми резинками, которые он показывал, закладывая ногу за ногу, брюки с вытянутыми коленями, выдавший виды джемперок с широким треугольным вырезом. Комалеев словно трудился всю ночь на выгрузке вагона: распространял вокруг резкий запах пота.

Проехали чуть больше половины пути – километров двенадцать, и машина заглохла, водитель – контрактник лет двадцати двух-трех по имени Николай – ковырялся в моторе минут двадцать. Проехали еще несколько километров – и впереди показались трое военных. Старший жестом приказывал остановиться.

– Вперед! – прикрикнул Комалеев, когда водитель убрал ногу с педали газа. – На «рубеже»³ остановишься, если попросят. Поехал, поехал! Неизвестно, кто они такие.

– Наверное, это «федералы». Они вчера чистили тут...

---

³ »Рубеж» – на языке военных – контрольно-пропускной пункт.

Комалеев был возбужден. Последнее время он ненавидел «федералов», а сейчас, когда сорвались его планы, злость на военных выперла наружу.

– Вперед, я сказал!

Водитель подчинился. Он еще не научился ненавидеть бесперомонных журналистов типа Комалеева. Друг Николая – тоже водитель – рассказывал, как в августе прошлого года он возил «бабу-журналистку», которая сопровождала гуманитарный груз для дома престарелых в столице Чечни. Ей выделили усиленную охрану. И вот по ее приказам колонна несколько раз оставалась, и журналистка исчезала в трупобах. А солдаты во время ее походов представляли собой недурные мишени для «щелкунчиков». О чем, собственно, ей и сказал командир. Она ответила оскорблениями, а позже в газете опубликовала статью, в которой обвинила военных «во всех тяжких грехах: мол, и трусы они, и бездельники». Она так ненавидела армию, что в телешоу «Глас народа» «дошла до прямых оскорблений в адрес солдат и офицеров, воюющих в Чечне».

* * *

Намерение водителя не подчиниться командир расчета понял, когда расстояние до машины сократилось до тридцати метров и продолжало сокращаться: водитель «УАЗа» принял вправо, почти вплотную к заснеженной бровке и жал на газ, заставляя двигатель машины реветь. Солнце, выплывшее из-за облака по ходу «УАЗа», отражалось от лобового стекла и бросало подсветку на глаза бойцов. Не разберешь, кто за рулем. Благо до этого удалось различить номера, которые соответствовали полученным в эфире данным.

Опасаясь еще и выстрелов из машины, командир правым плечом повалился на дорогу и, сползая к обочине, дал по нарушителю автоматную очередь. Однако не он первым открыл огонь, а его товарищи из укрытия.

* * *

Комендант шатойской военной комендатуры поторопил командира омовцев: давай, мол, не телись, успеешь догнать «УАЗ» за Шатоем, проводишь, все равно вам в ту сторону.

Отряд ОМОНа Шатойского временного отдела внутренних дел, разместившись в кузове «Урала», сопровождал районного прокурора и представителя администрации для «разбора полетов», которые учинили гэрэушники прошлой ночью. Прошло несколько часов, а истеричные жалобы местного населения докатились не только до Ханкалы, а, кажется, перевалили через стены Кремля.

«Вот уж оперативность так оперативность, – злился командир ОМОНа Игорь Зыков, в нетерпении поджидая прокурора. – Норма, в рот пароход!»

Это слово могло стать бранным, смешным, каким угодно, но никак не рядовым. Не пройдет оно не замеченным в дружеском трепе, в инструкциях начальства. Стало нормой для местных жителей устраивать по поводу и без повода демонстрации и пикеты. Не они сами выходят, а их гонят бандиты. Вроде бы чисто в селе, но всегда найдется скрытая сволочь: «Не послушаетесь, убьем».

– Ну где этот прокурор! – не выдержал командир.

– Там же, где и Наполеон, – отозвался молодой милиционер, – в психбольнице.

Когда за прокурором с громким стуком захлопнулась дверца кабины, «Урал» с натугой тронулся с места.

* * *

»УАЗ» зашлепал по дороге простреленными покрывками и, съехав на обочину, перевернулся – один раз, потом второй, показывая спецназовцам крышу. Мотострелки не пострадали. Один солдат, выбив ногой треснувшее лобовое стекло, выполз из машины и залег, дав на слух короткую очередь. Второй боец действовал смело, решительно. Это он ответил Комалееву: «Нормально, папаша!» И сейчас защищал его, высунувшись из бокового окна, которое стало люком над головой. Но не успел сделать ни одного выстрела: едва показалась его голова, как в нее ударила автоматная пуля. Еще десятки пуль барабанили по крыше, пробивали ее.

Никто из спецназовцев не заподозрил, что стреляют они по своим. Они выполняли предписания, которые оказались обоснованными: машина с номерами 330 не подчинилась приказу остановиться, а когда ее остановили, пассажиры открыли огонь.

Боец мотострелковой роты недолго огрызался на шквальный огонь: пара гранат из подствольных гранатометов, и он ткнулся головой в мерзлую землю.

* * *

Услышав звуки перестрелки, Зуев отдал команду остановиться. «Урал» съехал на обочину, и омовцы, оставив свои места, рассредоточились, цепью приближаясь к месту перестрелки. На своих местах остались только побледневший прокурор и водитель, который не утратил привычного румянца на щеках.

Когда омовцы скрытно приблизились, они увидели перевернутую машину, которую им надлежало сопровождать, и группу людей в новой военной форме, окруживших ее. Разведчики стояли без головных уборов. Лишь подойдя вплотную, командир ОМОНа нашел более точное определение: стояли с обнаженными головами.

* * *

– Куда?! – Начальник разведки военной комендатуры загордил своим телом выход из подвала.

– Дразнить верблюда! – рявкнул Джаноев. – Пусти, майор, иначе хуже будет.

Разведчик крепко выругался и дал дорогу Антихристу и его помощнику Рябцеву, которые под дулами автоматов выводили пленных чеченцев. Руки у тех были надежно связаны, на головах плотные полотняные мешки. Офицеры втокнули их в машину. Джаноев занял место за рулем и выехал за пределы комендатуры, длинно просигналив часовому: «Давай дорогу, баран!»

Проехав километров пять-шесть, подполковник остановил машину. Бандитов отвели подальше от обочины и заставили встать на колени.

– Кровь за кровь, твари! – прошипел Джаноев. У него не было другого выхода. А прав он или нет, подскажет время.

Два автомата дернулись одновременно. «Духи» повалились на землю, подергивая в агонии ногами. Подполковник и капитан подошли ближе и с близкого расстояния добились их одиночными выстрелами в голову.

7

29 октября, понедельник

Руководитель следственной группы полковник ФСБ Михаил Эджумян, закончив допрашивать командира расчета, содержащегося на гауптвахте, пришел к выводу, что здесь есть над чем поломать голову. Во-первых, случай с расстрелом своих своими же был не единичный, во-вторых, тут пахло жесткой провокацией.

Военная форма старила Михаила Дмитриевича лет на пять, не меньше, в ней он, высоколобый и с седоватыми висками, выглядел на сорок с хвостиком. Эджумян, не дожидаясь следователя из Главной военной прокуратуры, в эти минуты прибывшего в Ханкалу, решил для начала выяснить положение дел в военной комендатуре Шатойского района и вызвал в кабинет коменданта рядового Николая Зимина, чудом оставшегося в живых водителя «УАЗа».

– Давно служишь по контракту, Коля? – спросил полковник.

– Полгода. Отслужил срочную и остался здесь.

– Как чувствуешь себя? Отошел?

– Да, спасибо.

– Сергей Васильевич, – попросил Эджумян коменданта, – принесите мне журнал боевых дежурств.

Ознакомившись с записями, полковник напомнил коменданту, что с 1 мая 2001 года военнослужащим, проходящим службу по контракту в воинских частях, дислоцированных на постоянной основе в Чеченской республике, указами президента России, постановлениями правительства и прочими приказами и директивами Минобороны реализуются следующие льготы: оклады по воинским должностям и оклады по воинским званиям в полуторном размере, ежемесячная надбавка за особые условия службы в размере сто процентов от оклада по воинской должности.

– С учетом повышения, – вставил комендант.

– Ну да, – согласился Эджумян, – а еще полевые – суточные деньги в трехкратном размере от установленной нормы.

Он плавно подошел к тому, что, помимо вышеназванных выплат, военнослужащим, принимавшим фактическое участие в проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, в соответствии с постановлением правительства РФ от 27 февраля 2001 г. № 135-9 (в редакции постановления правительства РФ от 26 апреля 2001 г. № 135-22) полагаются денежные вознаграждения исходя из суммы 20 тысяч рублей в месяц пропорционально количеству дней их участия в этих операциях.

– Зачитываю, – Эджумян, знающий все тонкости своей работы, бросил на коменданта равнодушный взгляд, – данные на октябрь прошлого года. Так, помощник начальника штаба по связям с общественностью имеет одиннадцать дней фактического участия в контртеррористической операции. Дальше, помощник начальника штаба по административно-контрольной работе – тоже одиннадцать дней. Начальник финансово-экономического отделения – больше недели лазил по горам в поисках бандитов. А старший офицер ФЭО гонялся за ними те же магические одиннадцать дней. Офицер отделения бюджетного контроля мобильно вторгся в Аргунское ущелье на одиннадцать суток. Офицер по тылу ровно две недели ловил Басаева. Помощник начальника штаба по кадрам и строевой – неделю. Да, вот делопроизводитель подкачала – три дня она не вылезала из кустов, поджидая Хаттаба.

Эджумян перевернул несколько листов.

– А вот водитель Коля Зимин, который вместе с боевыми товарищами выезжал в качестве боевого сопровождения и попадал под минные обстрелы и снайперский огонь бандитов, имеет в журнале боевых дежурств – это за полгода несения боевых дежурств, – уточнил пол-

ковник, – 31 день ровно, тогда как ему насчитали всего три дня фактического участия. Три дня за полгода. Ровно столько, сколько ваша баба-производитель за один только месяц! Делопроизводитель, прошу прощения. И в шестьдесят раз меньше офицера по тылу. В шестьдесят! Собственно, я нашел все, что хотел: причину бардака, который творится в вашем районе. Поначалу удивился чудовищному ЧП, а теперь вот перестал. Вы москвич?

– А что?

– На улице Гиляровского сейчас идет строительство нового дома, могу похлопотать, чтобы вас взяли помощником каменщика. Попросите ко мне начальника армейской разведки, – без паузы продолжил следователь.

Когда за побагровевшим комендантом закрылась дверь, рядовой Зимин встал.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Сиди, Коля, куда тебе торопиться? Вдвоем мы быстро разберемся, правильно? – Эджумян, сощурившись, как кот на солнце, неожиданно подмигнул солдату: – Ты из-за денег остался?

– Из-за денег тоже. У меня земляк здесь служит, ему весной домой, вместе поедем.

– Да, Коля, все правильно. С деньгами домой поедешь, обещаю. Я этих махинаторов давно знаю. Скажи-ка мне, почему ты не остановился по требованию дозорных?

– Опасно вообще-то. Издалека-то не разберешь, свои ли, чужие.

– Ага... Правильно мыслишь. А что, если мы тебе шестьдесят боевых дежурств поставим? Или сразу девяносто.

– Не положено вообще-то. Да и чужого мне не надо.

– Молодец. Тебе сколько лет?

– Двадцать два.

– Хороший возраст. Я в двадцать два... – Эджумян широко улыбнулся. – А газ-то ты зачем прибавил, а, Коля? Мог бы ехать дальше на прежней скорости.

– Да хотел я. Только этот... как его... фамилию все время забываю...

– Комалеев?

– Да. Говорит, давай жми на газ, мол, тут тебе не «рубеж».

– А почему ты его фамилию забываешь все время? Ты его и раньше видел?

– И видел, и возил. Он часто в Верхний Дай ездит. Несколько раз на мою смену попадал.

– Деньжат не подкидывал за извоз?

– Дождешься от него! Сигаретку х.. даст.

– Хорошо сказал, Коля, емко. Не извиняйся, все нормально. Три буквы, и готова характеристика на человека. – Чуть подумав, Эджумян спросил: – Выходит, ты два года в Чечне?

– Два с половиной. Я вообще-то на БТРе ездил, – пояснил Зимин, – это когда контракт подписал, я на «УАЗ» пересел. Грозный брал.

– Да что ты! – удивился полковник. – Много товарищей погибло?

– Моих – ни одного. А мотострелки потеряли много – убитыми и ранеными... Пацана одного не забуду. Ползет на спине, волочит за собой оторванную ступню – она на штанине трико держалась, и стреляет, стреляет... Орет от шока: «На, бля! На, бля!» Я раненых эвакуировал, его первым вывез на своем БТРе. Отгрузился – и снова вперед. «Духи» стреляли из ручных гранатометов по навесным траекториям – на звук работающих двигателей. Около моего БТРа каждую минуту рвалось пять-шесть гранат.

«И вот этому пацану за полгода начислили три дня фактического участия в контртеррористической операции. А он и не думает домой, ждет своего земляка... И чуть было не погиб от пули своего же».

Когда в кабинет шагнул начальник армейской разведки Шатойской районной военной комендатуры, руководитель следственной группы отпустил солдата:

– Спасибо тебе, Коля, за помощь. Это не последний наш разговор... Теперь поговорим с вами, – полковник жестом усадил майора напротив и разложил на столе листы бумаги. – Вот показания двух спецназовцев, с которыми я успел побеседовать. Если честно, майор, поначалу я не поверил: опытные бойцы спецназа расстреливают своих соотечественников и мирных жителей.

– Не мы первые, – рискнул высказаться начальник разведки, невысокий чернявый крепыш. – В другом районе бойня была не хуже нашей. От ошибок никто не застрахован.

– Выяснили, куда делись задержанные в Циндое чеченцы?

– Выяснял, но не выяснил. Камеры, где они содержались, оказались открытыми, – откровенно врал майор. – Подполковник Джаноев не хочет ничего знать. По его словам, допросив задержанного, он в подвал больше не спускался – дескать, это не его вотчина. Капитан Рябцев подтверждает слова подполковника, а подполковник – слова капитана. На мой взгляд, виноват командир спецназа Шабанов, он неверно истолковал сообщение, переданное ему по рации. Знаете, товарищ полковник, в эфире бывают шумы. Да и в голове тоже.

– Знаю, – охотно поддакнул Эджумян. – Вот у меня сейчас шумит в голове. Так что долго я вас не задержу. Отчего, на ваш взгляд, такая несогласованность в действиях между вами, начальником армейской разведки комендатуры, комендантом и вашим коллегой Джаноевым? Джаноев лично отдает приказ командиру спецназа и не ставит в известность ни вас, ни коменданта района. Пока не будем говорить, обязан он был это делать или нет. Он в любом случае отбредется, сославшись на оперативность, на приказы из Ханкалы. Дело в другом: в том, что, словно отвечая на ваше бездействие и активность Джаноева, комендант посылает в район Верхнего Дая взвод омовцев с сопутствующим заданием – проводить до поселка машину, которую в случае неповиновения ее пассажиров надлежало уничтожить, исходя из приказа подполковника Джаноева. Вот в чем дело-то, майор, в шахматной партии, которую вы тут разыграли. Тут пахнет не просто трибуналом, а очень большим трибуналом. И если Джаноев и Рябцев подтверждают слова друг друга по вашей рекомендации, то я их понимаю. Они отпустили чеченцев по одной простой причине: для них, как ни ищи, правды не существует. Нет для них правды – и все. Их показания мне нужны разве что для галочки. А для вас, майор, правда есть. Вы вроде бы не битый в этой ситуации, а за одного небитого двух битых дают. Подумайте над моими словами. Все, майор, идите, вас я больше не держу. Приятных вам сновидений.

Эджумян взглядом проводил начальника разведки до двери и снова привлек к себе внимание голосом:

– Если не трудно, пригласите ко мне подполковника Джаноева. Как вы его называете, если не секрет? Фашистом, что ли?

– Спросите у него.

– Я вспомнил: Антихристом. Давайте эту нечистую силу ко мне.

Пока Эджумян ждал «нечисть», он успел проникнуться словами майора. Вполне возможно, начальник разведки окажется прав, и виновным сделают старшего лейтенанта Шабанова – одного, а не кучу офицеров, чья неорганизованность дискредитировала всю российскую армию. Военачальники надавят и на свою Главную военную прокуратуру, и на Генпрокуратуру. И старлею сделают предложение: «Бери, браток, всю вину на себя, меньше получишь».

После допроса Роберта Джаноева прошло два часа, руководитель следственной группы ждал результатов обыска в доме старейшины в Циндое. Слава богу, оперативники быстро справились с заданием. А все потому, что знали, что искать. У седобородого старца, задержанного по подозрению в причастности к бандформированиям, не было ни телевизора, ни тем более видеомagneтофона, а в подвале между банок с соленьями вдруг обнаружилась видеокассета.

Начальник армейской разведки с семьей проживал в каменном одноэтажном доме. Дверь Эджумяну открыла осунувшаяся женщина лет тридцати, майор в это время ужинал.

– Не против, если я воспользуюсь вашим магнитофоном? – попросил полковник. – Сергей Васильевич сказал, что у вас неплохая видеотека.

Полковник ФСБ не долго злоупотреблял гостеприимством семьи разведчика. А на следующий день с группой военных, летящих во Владикавказ, совершил путешествие в Северную Осетию. Оттуда – самолетом в Москву.

Глава III «МЕЖДУ АНГЕЛОМ И БЕСОМ»

«МИД РФ направил официальному Тбилиси ноту с требованием выдать российской стороне участников незаконных вооруженных формирований, которые подозреваются в совершении преступлений на территории России. Нота также содержит решительное требование предпринять жесткие меры против бандитов, которые проходят подготовку и планируют новые теракты, находясь в Грузии, в том числе и в Панкисском ущелье. Подчеркивается, что Тбилиси пора не на словах, а на деле присоединиться к объединенному фронту цивилизованных государств против международного терроризма».

8

Москва, 31 октября, среда

Поправив в приемной галстук и глянув в зеркало на свое нервное, осунувшееся к вечеру лицо, полковник Гришин без стука вошел в кабинет начальника Управления ФСБ по разработке и пресечению деятельности преступных организаций (УРПО). Лубянская площадь к этому времени осветилась рыжеватыми гривами огней, а в кабинете генерал-майора Латынина горела вполне адекватная люстра да оттеняла нездоровый цвет лица хозяина настольная лампа под зеленоватым абажуром. Сорокасемилетний генерал встретил подчиненного в светлой рубашке с расстегнутым воротом и бросил короткое «заходи».

В УРПО Николай Гришин возглавлял отдел специальных программ, сменивший прежнее название (отдел перспективных программ) в 1997 году. Цели отдела: «определение и последующая нейтрализация источников, представляющих государственную опасность». Плюс исполнение конфиденциальных поручений вышестоящего начальства. В состав отдела входили группы наружного наблюдения, собственной безопасности департамента, технических мероприятий, частное детективное агентство со странным названием «Альгемайде» (Москва, ул. Воронковская, 21), существующее аж с 1988 года и сохранившее обширные и устойчивые связи в правоохранительных ведомствах и государственных силовых структурах, в том числе и в руководстве Главного управления внутренних дел по Московской области. Сотрудники «Альгемайде» – из бывших оперативников МВД и ФСБ с наработанными связями, агентурными сетями и направлением на «реализацию существующей программы нетрадиционной борьбы с оргпреступностью».

Гришин, приняв приглашение присесть, первым делом взял из стакана остро отточенный карандаш. Он постоянно тырил карандаши со стола генерала, в общем-то больше предназначенные для самого хозяина (их у начальника отдела в ящике стола скопилось не меньше полусотни).

– Давно не смотрел видео? – осведомился Латынин. Слева от него, позади десятка телефонных аппаратов всех мастей, нашли место «кухонный» цветной телевизор «Самсунг» с диагональю тридцать два сантиметра и видеомаягнитофон той же фирмы. Приведя корейскую «двойку» в рабочее положение с одного пульта, начальник управления бросил хмурый взгляд на подчиненного.

Продольные полосы на экране телевизора сменились на четкое изображение. Усмешка, которую полковник Гришин приготовил на всякий случай, сошла с его лица. Сцена, запечатленная на пленку, была ему знакома. Он вспомнил и дату этого события, и место действия:

декабрь 1996 года, Шалинский район Чечни – сорок километров от Грозного. Общий план: «УАЗ» без номеров и «Нива» – с одной стороны; «Волга» и тоже два «уазика-таблетки» – с другой. Высокий человек в окружении вооруженных спецназовцев держит в руке «дипломат», и в этом человеке полковник Гришин без труда узнал себя. Вот он делает несколько шагов навстречу «духу», также одетому в камуфляж, а спустя минуту на капоте «Волги» раскрывает кейс, под завязку забитый стадолларовыми купюрами. После проверки денег чеченец в сопровождении офицера ФСБ идет к своим машинам...

Очень знакомое чувство комком подкатило к горлу Николая. Как и тогда, пять лет назад, он почувствовал на затылке жжение, словно оптика снайперской винтовки, направленной на него, собрала в огненный пучок солнечные стрелы и бугром подняла кожу на затылке. И он, неотрывно глядя на экран телевизора, подсознательно торопил заложника, показавшегося из «УАЗа». Ибо точно знал, что боль в голове переметнется к Дроновскому, освобождая Николая от крайне неприятного чувства, в тот момент, когда его руки поддержат пошатнувшегося пленника.

Но не тут-то было. Вот они идут к «Волге», а затылок продолжает гореть, жар переметнулся на лоб и щеки. А все оттого, что ракурс съемки был не тот, и полковник отчетливо представил себе видеокамеру в руках чеченского хроникера, снимающего сцену с выкупом заложника через тонированное стекло русского джипа. Оптика этой видеокамеры обжигала сейчас Николая.

Не ко времени полковник вспомнил о похожем видеоматериале, присутствовавшем в деле журналиста «Радио Свобода» Андрея Бабицкого. Из него четко видно, как люди в униформе передают репортера чеченцам, а взамен получают военнопленных. Кинохроника в таких случаях, даже скрытой камерой, обязательна. Это как протокол. А обоюдная съемка при освобождении Виталия Дроновского походила на подписание договора в двух экземплярах.

От своего имени Гришин мог поздравить родную организацию с почином, когда она начала эпопею с кинохроникой: получалось, что видеокассету можно перевернуть и смотреть другую сторону. Как на обычном аудиомэгнитофоне.

– Я выполнял п-приказ, – нарушил молчание полковник, избегая добавить «начальства» и колкость, вертевшуюся на чуть онемевшем языке: «Обратитесь к нему. Адрес: Большая Лубянка, дом 2».

– Мы все выполняли приказ, – не глядя на подчиненного, обронил Латынин. Подержав в широкой ладони пульт дистанционного управления, он положил его на стол. – Спроси, как попала ко мне эта кассета?

– От кого? – Гришин нашел выход не отвечать на вопрос генерала.

– От полковника Эджумяна. Он возглавляет следственную группу по факту гибели Комалева и двух военнослужащих.

Гришин покивал. Он слышал о ЧП в Шатойском районе Чечни и хорошо знал Михаила Эджумяна. Начальник управления продолжил:

– Благодарю бога, Николай, что кассета попала в руки Михаила и что он не включил ее в материалы дела. Только представь довольные рожи из военной прокуратуры при просмотре этого сюжета.

Гришин внял совету и представил их рожи довольными. Это довольство не ограничится просмотром и воспоминанием от просмотра. Включать такой материал в дело – себе дороже. Важнее последствия, влияние на Федеральную службу безопасности Главной военной прокуратурой, посыплются просьбы и пожелания, которые могут быть вызваны как частным, так и служебным порядком. Тайное противостояние двух ведомств, классика, кто кого. Ничего нового. Однако и ничего хорошего.

– Косвенные улики и показания свидетелей указывают на то, что кассета предназначалась Комалееву. А для кого он старался, долго думать не надо. Кесарев, мать его! – выругался Латынин.

Только одной такой кассетой беглый предприниматель мог поставить ФСБ в позу дачника на прополке. Служба безопасности Российской Федерации официально заявила о имеющихся у нее доказательствах причастности Бориса Кесарева к выкупу заложников и сей факт интерпретировала как прямое финансирование чеченских бандформирований. А на этой кассете видно, как ФСБ – во всяком случае, один из ее офицеров и пара десятков спецназовцев – лично участвует в финансировании чеченских боевиков.

– Кесарев, заполучи он этот материал, справедливо может рассчитывать на то, что мы отзовем экстрадиционное досье на его имя и прекратим преследование, – нарушил недолгое молчание генерал.

– На деньгах не написано, что они от Кесарева, – подал голос Гришин.

– Зря ты так думаешь. Подпись имеется – запечатленный в фас, профиль и в полный рост полковник милиции Дроновский! – Латынин снова выругался. – Он же заложник. Могу на память процитировать выступление нашего гения по связям с общественностью: «Один из фактов передачи Кесаревым денег – это освобождение полковника МВД Дроновского». Назвал еще несколько фамилий, кретин! Все правильно, за исключением одного. Мы назвали доверенным лицом Кесарева Балауди Давлетукаева, однако на пленке видно, что посредник носит русскую фамилию – Гришин. Ты, Николай Григорьевич, или посредник Кесарева в преступном бизнесе, или, как недавно сказал, выполнял приказ начальства, – тяжело пошутил Латынин. – Нас можно обвинить в фабрикации – это раз. Два – повесить обвинения в поощрении преступного бизнеса – похищение людей с целью выкупа. И третье: обработка бывшего заложника Дроновского. Мы просто попросили его молчать или дали денег?

Гришин удрученно хмыкнул. Он понял простую истину: его родная организация в лице генерал-майора Латынина, который, конечно же, не мог не доложить о ЧП еще выше, найдет в нем крайнего. И всеми способами постарается откреститься, установит сто причин взвалить всю ответственность на начальника отдела. Николай прекрасно знал методы Лубянки, ибо работал там. На него повесят не одно преступление, начнется травля. Как ни раскладывай карты, все равно он крайний. Ему сломают жизнь. И если некоторые офицеры службы безопасности находили убежище в странах Европы, то Гришину это не грозит. Видеоматериал, который он просмотрел вместе с генералом, представляется только в одном свете: пособничество террористам. Пусть даже косвенное. Но все это яйца в профиль.

Полковник, сунув руку в карман пиджака и с хрустом сломав в пальцах ворованный карандаш, нашел определение: недееспособность силовых структур России. Кому нужен беспомощный офицер – носильщик «дипломатов» с деньгами? Он в этом свете даже не порученец.

Николай подумал, что ему сломают жизнь. Вот если бы он был холостой...

И все, о чем он подумал за пару коротких минут, можно было прочесть в мутноватых глазах генерала Латынина: «Хочешь этого – прекратим разговор. Если нет – начнем обсуждать детали предстоящей работы».

– Если вы согласны, я и-продолжу выполнять приказы, – несмело предложил Гришин. Он заикался, а эту фразу вообще выговорил с трудом.

– Нет, Николай Григорьевич, так не пойдет. Действуй самостоятельно. Но кое-какие рекомендации я тебе дам. Вспоминай свои чеченские похождения, – акцентировал генерал, – когда передавал деньги, в чью банду. Проверь, какая из них уничтожена на сегодняшний день. Эти чеченцы – пунктуальные ублюдки, компромат обычно хранят в тайниках, порой вместе с оружием. Есть шанс добраться до них. Плохо, если они попадут в руки военных во время зачистки: армейские спецназовцы частенько передают любые записи и видеоматериал своему начальству.

Где-где, а в ГРУ тебе нельзя светить свою физиономию. Задницы из военной разведки умеют использовать компромат в своих целях.

Латынин, немного помолчав, продолжил в том же тоне:

– Вспоминай и о том, какой отдел ты возглавляешь, каким опытом обладаешь. Действуй, у тебя есть минимум полтора месяца. Я думаю, у Кесарева нет ни одной кассеты с выкупом заложника. И слабо верю в закономерность, что существуют еще две записи с твоим участием. А если таковые есть, они, надеюсь, в тайниках и схронах в горной части Чечни. Кесареву не просто будет заполучить их, его бородатые товарищи сами приберегут компру на случай поторговаться. Понимаешь, о чем говорю?

– Да, – кивнул Гришин. ФСБ крайне тщательно ищет по всей Чечне схроны той или иной банды, где, возможно, хранятся видеосекреты. Все кассеты изымаются и тщательно фильтруются. Что-то в качестве доказательств становится достоянием гласности, что-то превращается в материал с грифом «совершенно секретно», а то, что называется компроматом, – уничтожается.

Как были уничтожены (и Николай не сомневался в этом) видеокассеты с его – и только с его участием, хранившиеся в архиве ФСБ, дабы исключить любую утечку секретного материала; охотников за «грифами» на Лубянке день ото дня становилось все больше. Причем уничтожили кассеты лишь после выступления по ТВ Синиченко и Дроновского. Последнему наверняка дали еще раз посмотреть материал, который на фоне его «правдивого» выступления в эфире еще раз указывал бывшему пленнику его место в этой грязной игре. Схожей обработке подверглись и его товарищи по несчастью – журналисты Ржанов и Васнецов. И все они шли теперь в одной упряжке: оторвется один, но в пропасть свалятся вместе.

– Так что у тебя есть шанс, – продолжал Латынин. – Упустишь его, и на суде Кесарев через своих адвокатов предоставит видеоматериал. Он раздует грандиозный скандал. Он намекнет на наш опыт. Сняли же этого сукина сына – я говорю про Мовлади Удугова – в июне 1996 года с розыска! Вспомнили о занимаемой им должности в правительстве Чечни. И чтобы еще раз не пришлось вспоминать о подобном, делай все возможное и невозможное, Николай.

Гришин удрученно покивал на весьма не рядовое замечание шефа о деньгах. На оперативно-розыскные мероприятия генерал-майор Латынин пообещал сто пятьдесят тысяч долларов. Небольшая сумма, годившаяся разве что на поощрение главного поисковика и козла отпущения в одном лице, Николая Гришина. Ему придется использовать редко дающие свои методы, состоящие на вооружении отдела специальных программ, включать и на полную мощь задействовать связи, агентурные сети и отдельных агентов, которые отчего-то всегда требуют денег. Словом, полностью реализовывать программу нетрадиционной борьбы с оргпреступностью.

Но что-то недосказанное в беседе с генералом тревожило Николая. Генерал-майор «дерзал надеяться», что у Кесарева нет видеоматериала о выкупе заложников, а вдруг таковой есть?

На вопрос подчиненного Латынин ответил легко:

– Он бы не упустил шанс опубликовать материал. Обвинения, выдвинутые против Кесарева, в равной степени бьют и по ФСБ. Не может такая организация, как наша, требовать выдачи преступника, если вместе с ним совершала эти преступления. Минюст Франции, узнай он об этом, тотчас отменит свое решение о выдаче. Все, для Кесарева эта проблема решена раз и навсегда. И он до конца жизни останется гостем Парижа. Ему даже дадут ключи от города.

– Вам ли не знать Кесарева? Он всеми силами постарается оставить при себе этот козырь, отбившись мелочевкой. Где гарантии, что мы оставим его в п-покое? Допустим, уберем мы его, но останутся преданные ему люди. Они и выбросят видеокомпромат.

– Лишившись покровителя? – усмехнулся с превосходством Латынин. – Они будут мыслить примерно так: если убрали такое влиятельное лицо, то уж их устранить – плевое дело. Они – это кодла из «Русского пути», других СМИ Кесарев лишился навсегда. И вообще, где

ты видел журналиста, работающего без поддержки? Такого любой мент, участковый сожрет с потрохами. Что делает собака, оставшись одна? Правильно – ищет другого хозяина. Или сдыхает от голода. Комалеев сдох; и пусть окружение Кесарева подумает, случайно ли. Это тебе мой ответ.

А вообще, Латынин сразу понял подоплеку вопроса подчиненного. По большому счету Гришин хотел верить, точнее, быть уверенным в том, что Кесарев располагает компроматом. В этом случае работа Гришина по поиску остальных кассет виделась мартышкиным трудом, становилась бесполезной тратой времени. К чему в таком случае Гришину нагружать себя? С другой стороны, за отсутствием этой работы полковник становился крайним. Так что для него чем больше работы на этом фронте, тем лучше и спокойнее.

– Последнее, наверное, – сказал генерал, вставая из-за стола и гася настольную лампу. – Кесарев не знает, что кассета попала к нам в руки. Эджумян сделал все, что мог. Кассета была без наклеек, без указания фирмы-производителя. На ее место он положил другую, позаимствованную у начальника армейской разведки Шатойской комендатуры. Одним словом, пленка пострадала, просмотру и восстановлению не подлежит. Я не стал вдаваться в подробности, но Михаил сказал, что лопнули банки с какими-то соленьями и кассета хорошо промариновалась – соль и уксус, которым можно склеивать концы пленки, сделали свое дело. Главное, она осталась на месте, оперативники ее искали, но не нашли. Когда Кесареву доложат, он успокоится. Эджумян предоставил тебе фору в несколько дней, воспользуйся ею.

9

Два дня спустя

Чернявых гостей генерала Латынина, одетых в гражданское, Гришин видел впервые. Один, лет под сорок, представился полковником Давладзе, второй, на пять-шесть лет младше, ни звания своего, ни фамилии не назвал. Скорее всего майор, домыслил Николай, пожимая руку Давиду, предложившему называть его Дато.

«Дато так Дато», – равнодушно согласился Гришин, кивнув четвертому в этом кабинете, начальнику следственного отдела Аникееву.

Видимо, Латынин, сидевший по обыкновению в рубашке с расстегнутым воротом, долго беседовал с гостями, на что Николая натолкнула реплика генерала:

– Николай Григорьевич, тебя включили в состав оперативной группы. Вы с полковником Аникеевым представляете наше ведомство, офицеры Министерства госбезопасности Грузии – свое. Тема – передача грузинской стороне подозреваемых в причастности ко взрывам во Владикавказе, Ставрополье и Ингушетии.

– О ком идет речь конкретно? – напрягся Гришин. Он точно знал, кто ведет дело по диверсионной группе, состав которой был не только интернациональным, – главенствующую роль в группе подрывников занимали два офицера из госбезопасности Грузии, российский специалист-пиротехник и выпускник диверсионной школы Хаттаба – чеченец по национальности.

Насколько был осведомлен Гришин, ранее принимавший участие в следствии, дело продвигалось успешно, начальник следственного отдела Аникеев не ходил по лубянским коридорам, а буквально гарцевал на невидимом скакуне. Не без помощи Гришина он собрал столько доказательств, что адвокаты обвиняемых чахли, как трава на солнцепеке.

Арестованные грузинские силовики были тесно связаны с бандой Гелаева и полевого командира Таймаза Ахмадова. И оба главаря сейчас, наверное, улыбаются. Грузия не раз заявляла о том, что чеченские бандформирования никогда не были на территории республики, обвиняла Москву в «грязных инсинуациях, направленных на создание образа Грузии как государства, поддерживающего международных террористов». Однако 3 октября этого года бандиты проникли со стороны Грузии на территорию Абхазии. Захватили села Георгиевское и

Чина, дали бой абхазским воинским подразделениям, потеряв при этом всего восемь человек убитыми.

И только смелый депутат грузинского парламента Сандро Брегадзе говорил правду: «Силовые структуры страны не только поддерживают чеченских боевиков, но и получают от них определенные суммы, закрывая глаза на их противоправную деятельность в Грузии, и пытаются этим «решить» абхазскую проблему».

Однако грузинские политики выражались длинно и вычурно, русский полковник Гришин мог сказать гораздо проще: официальный Тбилиси получал возможность поднять перед мировым сообществом вопрос об угрозах, будто бы исходящих от сепаратистского режима Сухуми, и необходимости проведения локальной «контртеррористической операции против Абхазии». После всего этого захочет ли Москва поддерживать Абхазию? Вопрос очень спорный.

Только Ахмадов и Руслан Гелаев были далеко не дураки и не стали разыгрывать эту карту. Они сделали то, чему были обучены. В понедельник, 8 октября, в Кодорском ущелье чеченские боевики сбили вертолет «Ми-8» из состава миссии ООН в Абхазии. Окрашенный в белый цвет и несший на борту большие буквы «UN», он летел на низкой высоте и хорошо был виден даже невооруженным глазом. Два выстрела из гранатомета – и шансы на спасение пропали у пяти сотрудников миссии ООН, переводчика и трех членов экипажа, граждан Украины.

В тот же день чеченцы напали на село Наа и расстреляли мирных жителей.

Арестовав в Петербурге диверсионную группу, возглавляемую грузинскими силовиками, ФСБ заполучила уникальный шанс связать преступления, совершенные на территории России, со спецслужбами Грузии, которая скрывала в Панкиссии полтысячи чеченских боевиков; кто кого снабжает деньгами – вопрос на этом фоне пока непринципиальный.

Такое бывает раз в сто лет, мог сказать себе полковник Гришин. И страстно желал услышать причину, из-за чего, судя по всему, разваливается дело по диверсионно-подрывной группе, на совести которой жизни десятков российских военнослужащих и мирных жителей.

Однако прежде всего он задался другим вопросом: почему именно его привлекли к этому нехорошему делу? И снова вернулся к первопричинам. О (по сути) прекращении уголовного дела договорились на высшем уровне или пришли к договоренностям на уровне госбезопасности. Вот, собственно, и все.

Но почему я? Что, я больше всех знаю?

И вдруг Николай понял все. Откровение буквально обрушилось на него. Он внял совету Латынина «вспоминать чеченские похождения»: когда передавал деньги, в чью банду. Два пленных офицера ФСБ Ингушетии содержались в лагере Таймаза Ахмадова. И это его подрывники сейчас парятся в Лефортово. А сам Таймаз находится в Панкисском ущелье, в Грузии.

– На два слова, Юрий Семенович. – Николай поднялся и, нарушая правила субординации и приличия, первым шагнул к задней комнате генерала. А в голове откровение – не откровение, закономерность, скорее всего, плюс несдержанность Федеральной службы безопасности: если бы Лубянка не заявила во всеуслышание о сфабрикованных доказательствах в финансировании чеченских бандформирований Борисом Кесаревым, ничего подобного бы не произошло. Беглый предприниматель, сам того не подозревая, оказался катализатором огромного взрыва. Да, он частенько лает на ФСБ, но вот его лай подхватила свора «кавказских овчарок».

Может, полевой командир Таймаз Ахмадов никогда и не вспомнил бы об одной из сотен кассет, хранящихся по тайникам в селах и по схронам в горах Чечни. Гришин, до 1997 года работая в должности начальника направления 1-го отдела УБТ, знал об Ахмадове достаточно. Чеченец в 1994 году встал под зеленое знамя, от крови российских солдат и мирных жителей ставшее камуфлированным, седьмой год не выпускает из рук оружия. Даже когда стоял позади Аслана Масхадова, подписывающего Хасавюртовское соглашение, в широком кармане куртки наверняка сжимал рукоятку пистолета. И если бы случилось невероятное – снова встать позади

Аслана, занесшего руку над очередным «мирным соглашением», – пустил бы пулю в самую середину папахи чеченского лидера. Его предназначение – убивать.

Гришин закрыл за генералом дверь и прошел в середину комнаты отдыха – с удобным диваном, холодильником, телевизором, ванной и туалетной комнатой.

– Юрий Семенович, Ахмадов передал кассету этим? – Николай кивнул через плечо.

– Как ты догадался? – съязвил Латынин, подумывая обвинить подчиненного в никудышной оперативности. Однако впору восхититься оперативностью чеченского полевого командира, лихо отреагировавшего на заявление ФСБ, и его «оперативной» же памятью. – Нас поставили перед фактом, – продолжил генерал, – признать его означает дискредитировать себя. Единственный приемлемый вариант – принимать условия грузинской стороны. Мы закрываем дело по диверсионной группе за недостаточностью улик, но передаем обвиняемых в руки спецслужб Грузии. Они там уже начали готовить материалы на их деятельность.

– И развалят дело так, как это делаем мы.

– А ты как хотел?

Николай пропустил замечание начальника мимо ушей, но, как и он, «восторгался» оперативностью чеченского бандита и грузинской госбезопасностью. Последняя, получив от Ахмадова пленку, разработала план, который позволял замять скандальное дело. Собственно, Ахмадов хлопотал за своих бандитов, оказавшихся в Лефортово, но мог получить больше. Это и признание-благодарность от грузинской стороны, давшей убежище террористам, и освобождение своих людей, настоящих диверсантов-подрывников, которых ждали рынки, другие людные места, мирные люди, солдаты, старики, женщины и дети – русские, дагестанцы, грузины, абхазцы – все равно.

Гришин еще раз прокрутил в голове технику по прекращению дела по подрывникам. Российская сторона разваливает его таким образом, что подозреваемые не оказываются на свободе как бы в чистом виде, а попадают под следствие, или уголовное преследование, другой страны. ФСБ заявит, что тянула не пустышку, но соску: следы преступлений террористов ведут в Грузию, где они должны понести заслуженное наказание. Пройдет неделя, две, и развалится сфабрикованное дело. Террористы вновь окажутся на свободе.

Вроде бы простая комбинация, однако требующая четкого расчета, взвешенных действий со стороны обеих сторон, просчета последствий и, как водится, ряда специфических мероприятий, направленных на устранение тех самых последствий. До некоторой степени классика – таким образом разваливаются самые громкие преступления, а виновные оказываются в стороне. Но главными в таких делах всегда являлись и будут являться всего две вещи: компромат и большие деньги.

Гришин образно подумал о своем начальнике. Даже если генерал выйдет из задней комнаты, его отсутствия в кабинете никто не заметит. Подобные дела всегда ведутся средним руководящим звеном. Начальники отделов и направлений, сделав анализ, квалифицированно объяснят начальству перспективы, дадут оценку, рекомендации, действуя в качестве аналитиков. Высшие руководители не несут ответственность, но – все же обговаривают условия с подчиненными: что те получают за риск. Некоторые ничего не получали, поскольку на тот момент провинились в чем-то. Вот как полковник Гришин. Он вроде бы невиноватый, но вполне сгодится на эту роль. И обещать ему ничего не надо. Кроме одного: он может надеяться.

– Ты ищешь третью кассету? – спросил Латынин.

– П-плевать я на нее хотел, товарищ генерал, – вдруг ответил Николай.

– Что?!

– Извините, Юрий Семенович... Розыски идут полным ходом. Банда, где содержались корреспонденты Васнецов и Ржанов, уничтожена в январе 2000 года. Номинально банда входила в отряд Басаева, но действовала самостоятельно. Собственно, из-за этого попала в окружение и была накрыта с воздуха нашей авиацией. Я поднял данные, в тайниках тогда обнару-

жили т-только оружие, боеприпасы и продовольствие. Боевики мертвы и не слышат нас, так что...

– Можешь не продолжать, – перебил Латынин полковника, все больше удивлявшего его своей резкостью. – Вливайся, как я сказал, в опергруппу, но поиски не прекращай: ройся в бумагах, задействуй агентуру в Чечне, Дагестане, Ингушетии, плати деньги. Той суммы, которой ты располагаешь, хватит?

– Впритык, – снова дерзко ответил полковник. – Денег хватит впритык, если я п-продам свою квартиру, машину, честь и совесть.

Гришин говорил искренне. Желваки, которые он гонял, можно было заряжать в пистолет. Один выстрел в голову начальника, другой – в свою.

Глава IV «РОГА И КОПЫТА»

«В Совете Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с его резолюцией № 1373 по борьбе с международным терроризмом 5 октября учрежден и начал работу специальный Контртеррористический комитет. Одним из его руководителей является постоянный представитель России при ООН. Комитет будет обобщать предоставленную ему государствами информацию о предпринимаемых ими антитеррористических мерах и представлять соответствующие рекомендации СБ. Он станет также оказывать необходимое консультативное содействие странам в целях эффективного выполнения ими обязательств по резолюции №1373».

10

Москва, 6 ноября, вторник

Их получасовая беседа подходила к концу. Мимо полковника Гришина не прошла незамеченной примечательная особенность консультанта. Алексей Сергеевич говорил монотонно, зато с лихвой компенсировал свой серый, едва ли не безжизненный голос выразительным движением бровей, нависших над неподвижными, слегка навывкате серыми глазами, положением чуть склоненной к плечу головы и обычной паузой, которая, однако, почти всегда заполнялась каким-нибудь пассом руки; даже очки на носу консультанта виделись обязательным атрибутом, наделенным способностью помогать их обладателю в передаче эмоций, – сидящие на кончике носа, они заставляли Алексея Щедрина глядеть рассеянными, чуточку беспомощными глазами поверх оправы; а сдвинутые к переносице, провоцировали глаза на избирательность.

Одетый в серый деловой костюм и однотонный галстук с ослабленным узлом, небритый вербовщик внимательно слушал Николая Гришина и давал собеседнику право на пояснения, напрямую касающиеся темы беседы.

Консультант представил себе, как устанет он через три-четыре дня, что Гришин – восьмой клиент, на исходе восьмой час работы, причем без обеденного перерыва. В который уже раз он повторяет одно и то же. Четыре дня без обеда, вот как сегодня – лишь плотный завтрак.

Беседу Щедрин начал с пояснения, демонстрируя отличное английское произношение: «Департамент «С» – от начальной буквы в слове «Center». После стал заглядывать в бумаги, собранные в пачку. На титульном листе красовалось название: «Указ Организации Объединенных Наций о создании специального транснационального ведомства с возложением на него функций антитеррора». В левом верхнем углу стояло предостережение, выделенное жирным курсивом: «Не для публикации».

В самом начале беседы с полковником консультант после обязательных вопросов-ответов пошелестел страницами указа и обратил внимание собеседника на некоторые пункты.

Николай кивнул, еще раз углубившись в чтение. По документам выходило, что Департаменту «С» дали полномочия «объединить персонал, материальные и финансовые ресурсы всех крупнейших иностранных спецслужб, включая авиаобеспечение и использование средств космической связи». Ведущим подразделением Центра стала «группа из лучших и наиболее авторитетных представителей интеллектуальной элиты разведки, внешней и внутренней контрразведки».

– Главная задача Центра, – пояснил Алексей Щедрин, – «уничтожение всех террористических баз, на какой бы территории они ни находились, установление дислокации руководящих структур террористов и перекрытие возможных путей их отхода». Руководить Департаментом «С» поручено координатору по вопросам безопасности в ООН Ричарду Трампу и возложить на это ведомство, в частности... Читайте сами, – предложил он.

Снова кивок и короткий взгляд на собеседника. Снова перед глазами Гришина строгие, «колюще-режущие» официальные слова и фразы:

«В целях повышения активности антитеррора создать головную группу экспертов по координации усилий в данной области с установлением прямой линии телексной связи всех субъектов борьбы с терроризмом...»

Централизованный сбор информации о террористах и поддерживающих их лицах...

Выявление финансовых источников террористов, а также поставщиков оружия и взрывчатки («важной сферой деятельности Центра должно являться выявление источников любых форм поддержки террористов и их ликвидация; как правило, это крупные этнические общины, в которых ведется активная лоббистская деятельность в поддержку террористов и других организаций антиправительственной ориентации»).

Формирование на основе соглашения о сотрудничестве национальных служб безопасности специальных подразделений по борьбе с терроризмом на национальном и региональном уровнях для выполнения специфических задач в кризисных ситуациях. Включение в такие команды контрразведчиков, специалистов по технической разведке и аналитиков-прогнозистов. Осуществление прикрытия для подобного рода подразделений посредством частных консалтинговых фирм, оказывающих торговым и промышленным компаниям помощь в обеспечении безопасности деловых операций за рубежом. Введение в их состав специалистов по оружию массового поражения, а также по компьютерным и телекоммуникационным системам...

Заброска специальных подразделений на территорию пребывания международных террористов для ликвидации их опорных баз и лидеров террористических организаций...

Образование специализированной базы данных для решения проблем информационного обеспечения оперативно-служебной деятельности и для быстрого обмена информацией, направленного на предотвращение готовящегося преступления. Обеспечение задержания, ареста (в отдельных случаях – физическая ликвидация) и привлечение к судебной ответственности конкретных лиц, совершивших теракты...»

Полковник Гришин находился в одном из офисов так называемых консалтинговых фирм, вербующих наемников по всем странам. Благодаря восемнадцатому пункту Указа ООН в конторы по найму потекут реки отщепенцев, гонящихся за длинным рублем, и настоящих профессионалов, находящихся в розыске за различные преступления и получающих «иммунитет от уголовного преследования». Главное для таких людей – возможность начать жить в ладу с законом. За нарушение некоторых пунктов Указа ООН предусматривались жесткие меры к правоохранительным органам стран – участниц ООН.

Восемнадцатый пункт гласил:

«Использование (привлечение), а в случае необходимости – освобождение из мест лишения свободы специалистов по борьбе с терроризмом, исходя из соображений их искреннего и доказательного участия, с наделением их иммунитетом от уголовного преследования, когда они по оперативной необходимости внедряются в террористические группировки и вынуждены участвовать в их деятельности; или участвовать в проведении подобных острых оперативных мероприятий за рубежом».

И все это перекликалось с предложениями народного депутата Гурова, главы думского комитета по безопасности: «Лицо, отказавшееся от теракта и всячески помогающее следствию

в раскрытии преступления, освобождается от уголовной ответственности». И дальше схожая «переключка»: «Ужесточить меры... За угон самолета назначать высшую меру наказания...»

– Вы щуритесь, – заметил Щедрин, пристально глядя на собеседника. – У вас плохое зрение?

– У меня плохое настроение, – коротко пояснил Гришин, думая, что этот вопрос консультанта лишний. О здоровье легионеры будут отвечать не в этом кабинете и не этому человеку, который походил на адвоката средней руки или на не совсем удачливого психолога. А больше на журналиста.

– Похоже, вы не первый день ищите подобную работу. – Хозяин конторы развел руками. – Что ж, война в Афганистане – пора сенокоса.

– Почему вы так решили? – спросил полковник, понимая, однако, куда клонит его собеседник: своим вопросом и ссылкой на бум вокруг Афгана консультант попытался выяснить неважное настроение клиента. А может, понял оплошность, задав вопрос о плохом зрении?

– Обычно в наш офис обращаются уже после посещения фирм-однодневок, – пояснил Алексей. – Там, прикрываясь американским военным атташом, сидят обычные мошенники. Козыряют визитками атташе и его помощника, приводят несуществующие цифры: они якобы получили запрос на десяток-другой тысяч бывших военных, желающих подзаработать в Афганистане. Я, например, не люблю это определение.

– Какое именно?

– Наемник.

– Предпочитаете «солдат удачи»?

– Нет. Просто профессиональный военный, который хочет получить за свою работу достойное вознаграждение.

– Так почему вы решили, что я не п-первый день ищу работу? – настаивал Гришин.

– По вашему нервозному лицу, – попытался объяснить Алексей, видя больше: лицо изможденного неизлечимым недугом человека. – Вчера к нам обратился молодой человек, имеющий неосторожность поверить мошенникам. Их десятки по стране, а доверчивых людей – тысячи. Тысячи тех, кто хочет заработать, а кто – просто убивать. Так вот, тот парень заключил с авантюристами контракт и отдал деньги на проезд до места назначения – порядка пятисот долларов. Нужно ли говорить о том, что эта фирма прекратила свое существование? Вчера он срывал злость на мне и пытался уличить в обмане.

– Сел Иван-дурак на коня-дебила.

– Что? – удивился консультант.

– Это я про молодого человека, которого кинули.

Полковник вернул указ, заметив:

– Обычно ООН действует на уровне с-советов и деклараций.

– Не совсем верно, – отозвался Алексей. – Собственно предыстория создания Центра берет начало с конгресса стран – членов ООН в Гаване в 1991 году. Затем последовало продолжение на международном семинаре в Суздале в том же году и на Всемирной конференции ООН по вопросам борьбы с международной преступностью в Неаполе в 1994 году. Последняя попытка противостоять террору произошла вскоре после терактов в Соединенных Штатах Америки в узком составе Совета Безопасности ООН, где было принято решение о создании этого специального ведомства.

– Сколько вы платите?

– Хочу заметить следующее, – приосанился неопрятный консультант. – Мы не рассчитываем на месяц или два. Опять же говоря словами из постановления, мы задействуем в работе профессионалов разного уровня, включая силовые. Если хотите, наращиваем темпы по организации временных диверсионно-разведывательных подразделений для проведения конкретных силовых операций.

Гришин кивнул. Подобная практика широко применялась еще в Советском Союзе, когда резервисты и штатные бойцы диверсионно-разведывательных отрядов отбирались для проведения именно конкретных силовых операций. После чего отряды распускались.

– Силовая операция включает в себя комплекс определенных мероприятий, – пояснил консультант, – включая так называемую карантинную подготовку легионеров. Она включает в себя несколько дисциплин.

Он извлек из ящика стола очередной лист бумаги и зачитал:

– Специальная: учебно-тренировочные и боевые упражнения, бои холодным оружием, теория, снаряжение, медицина. Огневая: практические стрельбы из стрелкового и специального оружия. Минно-подрывная: практические подрывные работы. Разведывательная: сведения о противнике, его вооружении, тактике, местах базирования; ориентирование на местности, топография, маскировка. Радиотехническая: правила и способы ведения связи, кодирование и расшифровка передач по спецтаблицам. Общая: рукопашный бой; выживание в различных условиях. Парашютно-десантная подготовка.

– Вы военный? – поинтересовался Николай.

– Военный журналист, – последовал кивок собеседника.

– Как вы заполучили эту работу, если не секрет?

– Тайны никакой нет. Наша фирма – посредническая, мы снимаем определенный процент с головной фирмы, которая находится в Германии. Но контракты и страховку оформляем мы. За теми, кто прошел отбор, приезжает покупатель. Вы военный и знаете этот термин.

Полковник кивнул: да, знаю. И переспросил:

– Так сколько вы платите?

– Тридцать тысяч американских долларов. Страховка – сто тысяч. При условии полной открытости клиента. Вот пример, если хотите.

Щедрин извлек из ящика папку и раскрыл ее.

– К нам обратился человек – его фамилию опущу. Находится в федеральном и международном розыске. Одним словом, он военный преступник...

– Думаете, после операции, если он останется жив, его как военного преступника не передадут в руки гаагскому трибуналу? – спросил Гришин. – Могу вас просветить. Прокуроры военного трибунала в Гааге считают: для выдачи преступников вообще не требуется никаких доказательств. Существует Конституционный суд России, который аннулирует любой указ ООН, включая и тот, где речь пойдет о выдаче военных преступников у себя в стране. Такое уже случалось не раз.

– Откуда вы знаете?

– Потому что сам разыскиваюсь Интерполом. Пришлось засесть за изучение юридических бумаг.

– Мир меняется на глазах, – повторил Алексей набившую оскомину фразу. – Иммунитет, о котором идет речь в указе, позволяет устранять возможные препятствия юридического характера. Полагаю, этот документ вам незнаком. Точнее, вы познакомились с ним только что. А наши гарантии – это деньги, адресная страховка. Вы называете имя человека и его адрес. Вот и все. Мы не берем ни копейки, все учтено вплоть до расходных материалов. – Консультант указал на ксерокс, принтер, возле которого лежала пачка чистых листов бумаги.

Наверное, этим жестом он предлагал клиенту определиться: дать согласие или отказаться. Что также нашло подтверждение в повороте головы к монитору и касании пальцами клавиатуры.

– Я согласен.

– Отлично, – без воодушевления произнес Щедрин. – Сейчас составим контракт.

– Вы подписываете соглашение со всеми без исключения или?..

– Вы проникательный человек, – похвалил собеседника консультант, однако его глаза остались чуть напряженными, что не понравилось Гришину. – Нет, конечно, – продолжал Алексей. – Большинству мы даем неделю, чтобы определиться самим и дать время на размышление клиенту. Процент отсеивания велик, порядка восьмидесяти.

– Я исключение? – спросил полковник.

– Да, – покивал собеседник. – Пятый, если мне не изменяет память, с кем мы сразу составили договор. Вы бывший офицер старшего состава, командовали отрядом особого назначения и прочее.

– А если я обманул вас?

– Вы не получите деньги, – натянуто улыбнулся консультант, – и потеряете время.

– Есть другие варианты работы?

– Могу дать еще один адрес. Однако там вам предложат самостоятельно добираться до Афганистана, в одиночку или же небольшой группой искать террориста номер один. За живого Усамы вы получите пятьдесят миллионов долларов, за мертвого – тридцать. За лидеров его движения «Аль-Кайда» – от трех до пяти. Один шанс из миллиона. Но все без обмана, обещанные деньги вам выплатят безоговорочно. Группа арабских миллионеров – десять человек, если мне не изменяет память, – чтобы противопоставить себя арабским террористам, создала фонд с направлением на поимку бен Ладена и лидеров террористических организаций. Подобно нашему агентству, там есть контора во главе со специалистом по найму бойцов армейского спецназа, спецназа госбезопасности. Он набирает наемников в «частную армию». Фонд – свыше пятидесяти миллионов долларов. А у нас вы, не ломая голову, под чутким руководством и меньше рискуя, выполняете конкретное задание и не гоняясь за птицей удачи.

Пробежавшись по заоблачным тарифам, Щедрин закружился:

– И последнее, чем я почти всегда заканчиваю разговор и, как мне кажется, рассеиваю последние сомнения относительно исполнения указа ООН в нашей стране. Совсем недавно президент сказал: «Главное сейчас – исполнение воли Организации Объединенных Наций». Неоспоримо конституционное преобладание президента и над Думой, и над Советом Федерации, и над Конституционным судом. Сможет ли суд огласить решение, отрицающее правоту президентских указов или его личного мнения?.. Никогда. Точнее – вряд ли. Такие вопросы суд предлагает решать в иных законозащитающих инстанциях. В каких именно – вопрос остается открытым. Но они решаются. Так что у нас вы получаете значительно больше, чем деньги, – свободу⁴.

– Ну что же, неплохо, неплохо, – похвалил собеседника полковник. – Кажется, мы ничего не упустили: я задал все возможные вопросы, а вы ответили на них полно и грамотно. Единственно, что мне не понравилось, – это ваш взгляд. Порой он не соответствовал вашему настроению.

– Со стороны видней, – отозвался Щедрин, не глядя на экзаменатора.

– Поэтому я и сделал вам замечание, Алексей Сергеевич, – пояснил полковник. – Мы собираем информацию действительно на п-профи, и все должно пройти гладко.

Гришин прошел в соседнюю комнату. Используя все свободное от работы время, он будет наблюдать через зеркало, позволяющее остаться не замеченным для посетителей, за их реакцией, поведением, слушать и отмечать те особенности, которые останутся без внимания со стороны консультанта, репортера московской телекомпании МТВ-5 Алексея Щедрина. Богатый опыт позволит полковнику ФСБ определить нужных ему людей, настоящих профи, как верно заметил он журналисту. Даже больше – профи-негодяев, не уважающих законы. Иначе к чему этот указ, который не без помощи Гришина журналист состряпал за один вечер?

---

⁴ Указ подготовлен по материалам газеты «Независимое военное обозрение».

У Гришина на примете была пара-тройка журналистов, работающих на «контору», однако они не подходили для предстоящей работы. Ему нужен был не примелькавшийся в «ящике» репортер, а личность не очень известная, но в определенных кругах узнаваемая. Такая, которая бы вызвала шум, а не шепоток, если бы журналист оказался рядовым писакой.

Выбор пал на Алексея Щедрина, толстого, неопрятного, летом в шортах, зимой – в стеганых штанах. Гришин искренне удивлялся: почему журналист не делает все наоборот? Мог бы летом, облачившись в свои гнидники на синтепоне, сбросить жирок; а зимой он с такой моржовой прослойкой не замерзнет.

Щедрин одно время работал репортером на ТВ-6, но перешел на московский канал, не желая быть окончательно втянутым в скандал вокруг этой компании.

И последнее. Щедрин подходил полковнику еще и по характеру: в какой-то степени безвольный, податливый, кусок глины, в умелых руках принимающий нужную форму.

Видеокамера на штативе загодя нацелилась через зеркало на пустующий сейчас стул. В видоискатель можно увидеть и Щедрина, сидящего к зеркалу боком. Полковника ожидала трудная работа. В отличие от журналиста, ему предстояло просматривать заинтересовавшую его кандидатуру в записи.

Такие вот комбинации – профиль Николая Гришина. На его счету не одна удачно проведенная операция. И эта также закончится успехом – в это полковник ФСБ очень хотел верить.

Глава V БЕГЛЕЦЫ

«Прокуратура Германии подтвердила, что ведется проверка информации о наличии в стране хорошо законспирированной сети агентов российской военной разведки ГРУ. Сейчас изучаются материалы, в которых имеются факты, что в конце 1980 – 1990 гг. российская военная разведка расширяла свою сеть и проводила вербовку радистов армии ГДР. По данным журнала «Фокус», госбезопасность ГДР знала об этих действиях, что зафиксировано в соответствующих документах. Досье содержит имена большого числа бывших военных радистов, к которым с целью вербовки обращались агенты ГРУ».

«Президент Украины Леонид Кучма 12 ноября внес на рассмотрение в парламент проект Закона «О внесении изменений в Закон Украины «Об общей военной обязанности и военной службе». (...) Основным тактическим соединением в Вооруженных силах будет бригада, которая дает основание для присвоения командирам этих подразделений званий «бригадный генерал, «капитан-командор». (...)

11

Греция, 28 ноября, среда

Марина – симпатичная девочка лет четырнадцати-пятнадцати, с рыжеватой челкой и желтоватыми глазами – смешалась с толпой туристов и, затравленно озираясь, стала прислушиваться. Ее тетка – пухленькая, невысокого роста гид, скорее всего эмигрантка из Армении, но выдающая себя за гречанку, – расположила на картонке с номером туристической группы лист бумаги и что-то записывала. Часто поднимая томные, темно-карие глаза на старшую из агентства «Интурист», она кивала. Ее взгляд казался лениво-утомленным и, что импонировало, не искусственным; и вообще весь облик смуглянки изначально встраивался в исходную позицию кратковременного экскурса по столице древнего государства.

Год назад Марина стояла в похожей толпе туристов, а чуть раньше, когда авиалайнер красиво и плавно развернулся над морем и пошел на посадку, она с замиранием сердца наблюдала раскинувшуюся под крылом самолета столицу Греции. С высоты Афины выглядели так, как по телевизору показывают палестинские поселки: все однообразно, квадратично, низко, ни одного высотного здания.

Самое высокое – шесть этажей, а Марина соскучилась по родным девятиэтажкам, которые, наверное, сейчас показались бы ей небоскребами.

Из разговоров среди русских туристов выяснилось: группа, в которой, как рыба в стае, затерялась беглянка, в течение недели будет отдыхать на берегу Эгейского моря, неподалеку от городка с красивым названием Всех Святых. ОТЕЛЬ «КАЛАМОС-БИЧ» – это шестьдесят километров от Афин. А в ее положении – лишь бы подальше отсюда. Что потом – не знала ни она, ни духи святых, незримо живущих в маленьком греческом городке.

Девочке повезло: в двухъярусный туристический автобус марки «Мерседес» набилось сразу две группы, Марина заняла место наверху. И опять все знакомо до боли: год назад она с иным настроением взирала на античные красоты с такой же высоты. Когда слева по маршруту показался Акрополь, русские дикари в один голос повторили за гидом: «Акрополь?.. Это вон тот недостроенный?» Затем щелкнули затвором несколько фотоаппаратов, даже сверкнула вспышка, и в салоне прозвучало имя Господа.

Одетая легко – в Афинах установилась довольно теплая размеренная погода, – Марина смотрела в окно. Сейчас автобус на приличной скорости катил по Национальной дороге. Двадцать минут по ней, обрамленной рекламными щитами и красной, похожей на глину землей, и «Мерседес», непрерывно сигналив встречным машинам, начнет ввинчиваться в горный серпантин, пока не достигнет высшей точки трассы, откуда откроется красивая панорама с синевой Эгейского моря. Потом – вниз.

У Марины даже слегка заложило уши. Еще с десяток километров вдоль акватории – и автобус остановился возле отеля «Каламос-Бич».

Оглядывая комплекс из трех пятиэтажных зданий, девушка про себя отметила, что пятью звездами тут не пахнет. Максимум на троечку с плюсом. Она работала именно в таких, недорогих отелях; до роскоши люксовых номеров, дорогих баров и ресторанов она пока не доросла. Можно сказать, она еще куколка, но уже познавшая жизнь ночной бабочки.

В свои неполные пятнадцать она не умела уходить от слезки, определять ее. Последнее знать ни к чему – ее ищут. Первое утверждало – скоро найдут. Однако на интуитивном уровне приняла правильное решение: убраться, теперь уже отсюда, хотя бы в городок ко всем святым, к чертям собачьим, хоть куда. Найти любое убежище хотя бы на ночь, если повезет – на пару дней остаться в постели грека.

Можно и здесь укрыться. Она шла вдоль побережья, оставляя позади низкорослые, какие-то сказочные домики; казалось, вот-вот появится в ухоженном дворике гном в волшебном колпачке, за ним другой... Всего семь. И все они ждут свою Белоснежку. Каждый дожидается своей очереди.

Сказочные дома остались позади. По правую руку, удивляя своей серостью, вставали, словно из руин, гостиничные комплексы. В просветах между ними золотилось под лучами вечернего солнца море, покачивающееся на волнах шаланды, яхты, моторные боты, нагруженные фруктами, рыбой. И снова сравнение, или мечта, выбившая из глаз девочки слезы: не мелькнут ли на горизонте алые паруса?..

Секрет...

«Секрет».

Местный Зурбаган продолжал удивлять черствой деловитостью, жизнь теплилась где-то внутри домов, вокруг воображаемого очага, а во дворах, на улице, на берегу – сухое, неотзывчивое бытие; крикни – и не услышишь эха...

Не как в России, дома, на родине. Там отзвуки, отклики, пусть даже не соответствующие оригиналу. Там резкий фон из бедных и богатых, а здесь необъятное поле середняков, кулаков, если проще. Нет, надо жить там, где ты родился, думала повзрослевшая за год на добрый десяток лет Марина.

* * *

Они приехали в аэропорт на серебристом роскошном джипе «БМВ-Х5», стоимостью восемьдесят тысяч американских долларов. В хвосте номера – двойка. По четным дням въезд в Афины разрешался машинам, чьи номера оканчивались на четную цифру. Вторая машина, не менее роскошный «Лексус-470», уже стояла на парковочной площадке.

Их было четверо, все одной национальности, они предпочитали есть хлеб, а сало двигать носом. И вот с аппетитного куса оторвалась маленькая толика, эта сволочь, проститутка, собравшаяся удрать на родину. Ее видели в столичном аэропорту, но она или ловко ушла от преследования, или преследователи лопухнулись. За это время от аэровокзала отошло несколько туристических автобусов – с немцами, итальянцами, один повез русских туристов.

– Захочет затеряться среди своих, – заметил сидевший за рулем «БМВ» Корней Приходько, здоровенный малый, мастер спорта по дзюдо, нагулявший за пару лет комфортной жизни полтора пуда лишнего веса.

Корней работал на одноклубника, Михася Соловчука, который урвал в свое время часть доходного бизнеса: работа по найму в Греции. И все девчата, пожелавшие заработать на сборе апельсинов, обогащали Соловья, занимаясь древним, как само это государство, ремеслом. Однако детская проституция приносила куда более высокие дивиденды. Вывезенные в Грецию дети пользовались успехом и у местных нуворишей, и у своих же соотечественников. Вывозили кого в контейнерах с двойными стенками, кого под видом детских туристических групп.

Одна рванула – не беда, но дурной пример заразителен. Сказал другу – пошло по кругу. Главное, конечно, вернуть беглянку, но еще главнее задача – примерно и, что самое интересное и к слову подходящее, – публично наказать. Будет работать, пока не обветшает, пока не станет похожа на Акрополь.

У въезда на платный участок Национальной дороги, как всегда, столпотворение. Греки – народ горячий, сигналият по любому поводу. Автомобильная пробка – сигналият, своего увидят – жмут на клаксон, чужого – дают с удвоенной злостью.

Приходько замешкался, рассчитываясь ненавистными, отчего-то всегда старыми и засаленными драхмами, на него сзади обрушился автомобильный гудок, подразумевающий сквернословие.

– Иди успокой этого придурка, – посоветовал Корней товарищу.

Вадим Иваненко тем временем, опустив стекло, отбивался от назойливого продавца лепешек, удивляясь: теплынь на дворе, а эти кретины греки снуют вдоль дороги с пресными лепешками, вместо того чтобы предложить путникам холодной водички.

Иваненко и Приходько – одного года, оба стрижены под модный сейчас на Украине полубокс. Двое других, расположившихся на заднем сиденье «БМВ», отличались от товарищей меньшими габаритами, но в спорте достигли почти таких же вершин. Дмитрий Бекетов – КМС по спортивной ходьбе, Николай Ратман – боксер. И если последний полагался на свои кулаки, то Бекетов всюду таскал под пиджаком карманный автоматический «таурас РТ-22».

Контрольно-пропускной пункт с шеренгой напоминающих шлюзы проездов остался позади.

Корней нервничал. Впереди его ждала филёрская работа. Одно дело контролировать, держать в руках свору проституток, защищать их – бить морды, выколачивать деньги за нанесенный моральный, а когда и физический ущерб, другое дело – даже не искать, а *публично* расспрашивать: «Путану не видели?»

Ему было наплевать на реакцию опрашиваемых, собственная неустроенность заставляла заранее раздувать ноздри. Свои поймут правильно, чужие – тоже. Русская мафия, скажут, как всегда, греки.

Сволочи!

Они, кажется, никогда не научатся выговаривать: украинская. Наполовину осведомленные харкнут: «Хохлы». И прозвучит это как придаток, как аппендикс к великому и могучему «русские». А кто-то совсем уж обобщит: славянская мафия. Но последнее ближе, звучит роднее: сало-вянская. А под сицилийскую гитару берет за душу и выбивает слезу:

«Без сала... Без сала мучусь».

Несправедливость.

* * *

Маринка вынужденно сошла на дорогу, огибая безжизненный отель, огороженный забором в человеческий рост. Он больше похож на сугубо деловой центр, а своей безликой архи-

тектурой – сообщающимися переходами, через стекло которых отчетливо виднелись «елочки» лестничных маршей, – на здание детсада, построенного в советские времена и в той же стране.

Улица, ведущая из города, круто уходила вверх. По обе ее стороны – открытые кафе, магазины, манящие к себе прежде всего узкими ухоженными дорожками и аккуратно постриженными кустами. По сути, здесь был центр городка, еще один – как бы оптово-торговый – находился на берегу. А дальше что-то похожее на спальный район. Домики там располагались в низине, над нависшей над ними лесистой грядой. Там было уютно, летом – тенисто, что ли, прохладно. Если кто-то и надеялся найти спокойствие и уединение там, где не было места торговым точкам, то не ошибся в выборе.

Девочка не успела пройти и десяти шагов к кафе, как ее настиг мерный рокот двигателя. Ей не стоило оборачиваться – она интуитивно поняла, что это за машина и кто в ней находится. А точнее, страх вперемешку с ненавистью помог ей разобраться в этом вопросе.

Она побежала, зная, что ее настигнут. Но до того мгновения она будет жить – по-настоящему, пусть даже убегая. Будет бороться, спотыкаясь и падая, сбивая в кровь колени и отчетливо осознавая, что борьба бывает разная.

Она бежала прочь от деловых и прочих центров, туда, куда минуту назад манила ее своим спокойствием дремлющая часть городка, где в ее представлении обитали святые...

Минуту назад манила, а сейчас настойчиво призывала. И ей казалось, что бежит она по наклонной – сверху на нее давила зеленая гряда, а снизу готовилась принять серая каменная россыпь, о которую разбивались волны Эгейского моря. В любое мгновение она готова была упасть, настолько реально овладел ею дисбаланс и то же время говорил о нереальности происходящего.

Труднообъяснимое состояние, в котором находилась девочка. Оно заставило ее свернуть посреди улицы и карабкаться вверх, скатывая на дорогу мелкие камни, снова оказаться внизу и, подстегиваемой презрительным гудком дорогой машины, бежать по прямой.

Она кинулась к одной калитке, сейчас показавшейся вычурной, издевательски крепкой, и навстречу ей понесся злобный лай огромной овчарки.

Улочка кончилась как-то внезапно, словно под ногами разверзлась пропасть. «Бежать некуда. Некуда бежать», – бились в голове мысли. Бились настолько сильно и громко, что, казалось, это они всполошили дремлющую часть города, последнюю на ее пути.

И крайний дом, несмотря на приветливый вид, показался Марине такой же неприступной крепостью, как и остальные. И хозяин, которого она сумела разглядеть через решетчатые ворота, выглядел хмурым, недовольным.

Конечно, недовольным, с чего радоваться ему, греку, опустившему шланг, из которого он поливал клумбу с многолетниками? Кому понравится грубое вторжение?

Калитка оказалась закрыта лишь на щеколду, и беглянка уже летела навстречу человеку с суровым лицом. Она подсознательно крикнула ему по-русски: «Помогите!» Потом автоматически перешла на греческий:

– Помогите!

12

– Попалась, падла! – выругался Корней, «мастер дороги», игнорируя обязательные на серпантине предупреждающие гудки. И только он въехал в городок, как сразу же увидел сбежавший объект. Который продолжил бегство, ломаясь в каждый дом, пока наконец не вломился окончательно.

– Берите ее, – отдал он распоряжение товарищам. – Если грек начнет выступать, набейте ему морду.

Его команда дружно оставила салон немецкой машины и, как будто на правах званных гостей, так же согласованно, вальяжно и нарочито враскачку прошла во двор.

Маринка стояла за спиной хозяина, словно нашла в нем защиту, и дрожала всем телом. Наконец поняла: настало то время, когда сама она не двинется с места. Погонят ли ее к машине пинками или понесут, бесчувственную, уже не имело принципиального значения. Финишной лентой казался исходящий прохладной водой шланг, который она перешагнула...

– Не отдавайте меня, – вдруг прошептала девочка. Этот человек стал для нее последней надеждой, такой же непрочной, как и засов на калитке его дома.

Она видела спину, обтянутую клетчатой рубашкой, темнеющей мокрыми пятнами. Аромат цветов, смешавшись с запахом пота, мог дать об этом человеке некоторое представление, хотя бы, в частности, его увлечение цветами, сочетающееся с кропотливым трудом и приносящее, однако, удовлетворение.

Садовод мог уберечь свои цветы, но вряд ли окажет помощь беззащитной девочке. И вообще, кто здесь способен на такой поступок? Никто не захочет связываться с братвой, осквернившей земли богов. Что, собственно, прозвучало в ответе хозяина на выкрик гостя и о помощи: «Уходи, мне не нужны неприятности».

Маринка даже не осознала, что хозяин ответил на ее родном языке, по-русски, чисто и без акцента...

– Не отдавайте меня, – повторила девочка, продолжая дрожать. И неожиданно поняла, что тройка подонков, сокращающих дистанцию, из-за плеча хозяина выглядит не так уж и страшно.

Они остановились в нескольких шагах. Двое плечом к плечу. Дима Бекетов встал чуть в стороне и положил руку на пояс, приподнимая полу пиджака и демонстрируя рукоятку автоматического пистолета.

– Пошли, – кивнул Иваненко и на всякий случай предупредил цветочника на скверном греческом: – А ты, Геракл, стой на месте.

Вадим если и дерзил, то на полную катушку, если угрожал – на совесть. И сейчас не ограничился только словами, ибо спокойная физиономия садовода-любителя ему не понравилась. Когда Иваненко шел по политой дорожке, то сделал неосторожный шаг в сторону и запачкал дорогие кожаные туфли; сейчас, не глядя на хозяина, он соскоблил налипшую землю об опоясывающий клумбу белоснежный бордюрный камень.

Хозяин дома напомнил девочке отца: того же возраста – сорок или чуть побольше, высокий, с посеребренными висками. А теперь отец совсем, наверное, седой. Видимо, не раз давал объявления: ушла из дома и не вернулась Марина Веретенникова 1986 года рождения. Была одета...

Только она не ушла, а сбежала, бросила мать и отца ради приключений. По детской глупости решила, что заманчивое предложение немедленно отправиться на средиземноморские берега утратит свою силу ровно в двенадцать ночи – как в сказке.

Но тогда ей было всего тринадцать – окончательная, осенняя пора прощания с детскими сказками, а впереди – сразу взрослая жизнь. Может, захотелось не порвать, а безболезненно растянуть переломный момент в жизни? Да, сейчас умудренная жизненным опытом девочка могла ответить и так.

Она не раз пыталась мысленно – и только – сказать своему же соотечественнику о себе, шепнуть адрес родителей... Но соотечественники желали слышать от малолетней проститутки иной шепот, ибо платили за ночь с ней приличные деньги. А если бы все же решилась?.. Нет, никто и никогда не станет связываться с мафией. Да все они, в чьей постели перебивала девочка, так или иначе были связаны с преступным миром.

Хозяин, повернув голову, еле слышно повторил:

– Мне не нужны неприятности. Уходи, слышишь?

Бекетов, вслушиваясь, шагнул ближе.

– Чего ты там бормочешь?

Только сейчас до Маринки дошло, что хозяин дома отвечает ей по-русски. И она, сама того не замечая, коснулась его плеча. Она готова была обслужить грека, и не одного, сама себе казалась опытной женщиной, а теперь стала сама собой, сопливой девчонкой, всхлипнувшей в пропотевшую спину своей последней русской надежды:

– Дядя, не отдавайте меня...

– Уходи, – еще раз отдельно повторил садовод.

Она не видела его лица, нервно подрагивающего века, плотно сжатых и слегка побелевших губ. Но все это заметил Вадим, вдруг отчетливо понимая, что сшибки с греком не миновать. Глупая, идиотская мысль, рожденная, казалось, не в голове, а в крепкой шее, на которую он во время тренировок позволял опускаться себя сопернику без малейшего для себя ущерба.

Что-то недоброе притаилось во взгляде цветочника, недоброе и в то же время нерешительное. Понятно, что удерживало его, – это как минимум тройной перевес в силе, статус гостей, легко читающийся по их стрижке, манере держаться. Но... Подобно гипнотизеру, он щедро делился своей неуверенностью, и Вадим впервые, наверное, в жизни понял, что значит колебаться.

Тем не менее, продолжая держать ногу на камне, Иваненко стал методично раскачивать его, не спуская глаз с оппонента; как ни странно, следил не за его реакцией, а пытался предугадать действия странного грека. Что он сделает? Бросит наконец-то шланг, который замочил не только его растоптанные кожаные ботинки, но и штанины тренировочных брюк?

Иваненко подсознательно и с профессиональной точностью определил его рост – метр восемьдесят пять, и вес – около восьмидесяти.

Вода продолжала бежать на землю, разбрызгиваясь вокруг ровной полусферой, словно окружая парочку – садовода и проститутку, и оберегая их, как круг в церкви, начертанный Хомой Брутом из гоголевского «Вия».

Вот хозяин снова повернул голову, по-прежнему неслышно для братвы обращаясь к девочке:

– Уходи, слышишь?

Он начинал действовать Иваненко на нервы. И Вадим неожиданно для себя проверил их прочность:

– Диман, забирай телку и поехали.

И это вместо того, чтобы резким окриком заставить хозяина убраться в дом и не мешать.

Бекетов шагнул за спину садовода и схватил девушку за руку.

Она сказала здесь, в этом уютном дворике, все слова о помощи. Ее одиссея закончилась, теперь настала пора подумать о том, что ждет ее по возвращении в салон.

Слова иссякли, но вот жесты – нет. Она крепко вцепилась в плечо незнакомца, который остался неподвижен, лишь голова его покачивалась в неодобрении.

Бекетов ударил девушку, потом еще раз. Дернув ее на себя, шагнул в сторону, обходя недвижимого грека.

А маленькая сучка вдруг решила продать себя, но в этот раз – дорого: она вцепилась в руку Бекетова и попыталась укусить его. И Вадим, остановившись, снова поднял руку для удара... А садовод неожиданно захватил ее своей левой, а правой – за плечо, освобождаясь наконец-то от поливочного шланга, и выполнил обеими руками рывок на себя и вправо. В тот момент, когда безвольный Бекетов оказался повернутым к нему боком, хозяин шагнул ему за спину и захватил за пояс...

Иваненко и Ратман, находясь в ступоре, наблюдали, как технично развозят их друга приемом айкидо. Чуть позже они убедились, что садовник владеет боевым самбо, ибо, захватив Бекетова за бедро, разгибая ноги и прогибаясь, хозяин дома оторвал противника от земли и

перевернул ногами вверх. Потом, отставляя ногу, бросил Бекетова головой на землю. А не на спину.

Иваненко и Ратман, удивляя своим спокойствием, смело ринулись в бой.

Сергей Марковцев по кличке Марк, в прошлом командир отряда специального назначения ГРУ «Ариадна», осужденный за терроризм и бежавший из мест заключения, достаточно легко ушел от наработанной связки Ратмана, в котором по перебитому носу и компактных, плотно сжатых кулаках он угадал боксера.

Опытный Ратман забыл отделаться от навыков, применимых лишь на ринге. Вместо того чтобы крепко стоять на ногах, украинец завел пресловутый «танец Василия Шишова», чем в своих па, нелепо смотрящихся на улице, в отдельные моменты лишал себя веса. Это в боксе не разрешены подсечки, а на улице – пожалуйста. Марк снова легко ушел от излюбленного приема левши и снес его жестким ударом ноги чуть повыше колена.

Второй не имел к боксу никакого отношения. Иваненко, расставив руки, поднял их на уровень плеч. Самбисты обычно предпочитают наклонять корпус, этот же стоял с прямой спиной. Марку потребовались мгновения, чтобы представить под своим противником татами. И он увел его за собой, чтобы хорошим ударом отключить встававшего с земли «марафонца» Бекетова. В этот раз он никуда не побежит, а схватится за ствол, который нарисовал, едва появившись во дворе.

«Сколько я искал тихое и уединенное место!.. – стонал про себя Марк, проклиная сопливую девчонку. – И вот какая-то засранка!..»

Маринка, приоткрыв рот, смотрела за резкими передвижениями садового, оказавшегося не любителем, а настоящим профессионалом. Вот он оказался в шаге от нее, чуть повернул голову и ударил ногой в голову Бекетова, этой мрази, сволочи. Потом дошла очередь и до Иваненко. Вадим облегчил работу противника: Марку хватило нескольких мгновений, чтобы оказаться у клумбы и вооружиться расшатанным, как зуб щипцами стоматолога, камнем. Поймав дзюдоиста на ложном замахе, Сергей с расстояния полутора метров попал кирпичом в голову Вадима.

«У нее, видите ли, неприятности... А у меня что?..»

Прихрамывая, с российским подполковником сближался разъяренный украинский боксер.

А Марк, склонившись над Бекетовым и заглядывая в его помутневшие глаза, которые заливала кровь из раскроенной брови, оперативно вооружался его пистолетом, искренне надеясь, что тот не окажется игрушечным. Ибо долго махать кулаками сил у него не хватит: к Ратману спешил на помощь еще один, килограммов под сто двадцать. Чтобы угробить его, составил Марковцев, снимая пистолет с предохранителя и передергивая затвор, не хватит камней с десяти клумб.

Ратман оказался настолько взведен позорной подсечкой, от которой хрустело в коленной чашечке, что остановить его мог только взведенный курок пистолета. Что и произошло на самом деле. Пуля попала ему точно в левую половину груди.

По привычке дернув головой, Марк сместил ствол и очередным выстрелом остановил бегущего на него Корнея. В другой ситуации Сергей не пожалел бы еще одной пули, но в этот раз опустил руку с оружием...

13

Иваненко был плох. Камень угодил ему в надбровную дугу, острые осколки кости торчали из развороченной глазницы, снизу на нее напознала огромная фиолетовая гематома... Марк еле заметно покачал головой, понимая, что парень долго не протянет.

В кармане Корнея зазвонил сотовый. Постояв в раздумье, Марковцев вытащил телефон и, прежде чем нажать на клавишу ответа, глянул на экран. Звонивший имел потрясающий номер: 666-00-00. «Интересно, – успел подумать Сергей, – какой номер на его машине?» Он знал одного парня – ныне покойного, который возил на бамперах «ракетные подвески»: «эс-300».

– Нашли уродину? – прозвучал чей-то скрипучий голос.

– Кто это?

– Михась. Не узнал, что ли?

Сергей опустил трубку и спросил окаменевшую девочку:

– Кто такой Михась?

Она молча подняла глаза к небу и туда же указала пальцем.

«Понятно, – кивнул Марк, – из греко-украинской канцелярии».

– Нашли телку, спрашиваю? – продолжал допытываться Соловчук.

– Слушай, Михась, – ответил Марк, – включи телевизор: на свете столько хороших новостей.

Он отшвырнул трубку. Пора и ему подумать о себе. Нацелившись на девочку пальцем и погрозив, он жестко сказал:

– Теперь вали отсюда. Все, что могла, ты сделала. Я в розыске, дура!

Маринка опешила:

– Как... это?

– Как это, – передразнил Марк. – Даю тебе честное слово: тебе спокойнее будет с Михасем. Давай, давай, двигай!

Она действительно двинулась, только пошла вслед за хозяином.

– Ты куда? – обернулся Сергей.

Маринка снова указала пальцем:

– К вам. Домой.

Марковцев в дурашливом реверансе развел руками и наклонил голову:

– Прости, дорогая, у меня больше нет дома. Через десять минут сюда нагрянут полицейские. Хочешь объясняться с ними – пожалуйста. Лично у меня такое желание отсутствует напрочь, – с нажимом закончил он.

Потом более внимательно взгляделся в ее девчоночье лицо. Глупая, хотя и повзрослевшая, до некоторой степени лишенная не детства, а юности. Нужно быть полным болваном, чтобы не догадаться о подоплеке нежданного визита вначале этой юной девицы, а затем крижистых хлопцев.

– Ладно, черт с тобой, – выругался Марк. – Тебя как зовут?

– Мариной. А вас?

– Теперь можешь называть меня бомжем – лично ты имеешь на это право. Пошли, поможешь.

В сарае, больше напоминающем флигель, Сергей взял с пола полиэтиленовый мешок, весом не меньше двадцати пяти килограммов, и кивнул на канистру:

– Бери и пошли со мной.

Маринка ничего не понимала. Мешок как две капли походил на стандартную расфасовку с удобрениями. Она даже припомнила название: селитра, кажется. У деда на даче такого добра навалом. Ей в голову вдруг пришла мысль, вызвавшая улыбку: ее спаситель напоследок решил удобрить свою любимую клумбу, а непрошеную гостью попросит поливать из канистры.

– Весело? – спросил Сергей, не сводя глаз с девчонки.

Она промолчала.

Для подобных случаев у Марка все было готово. Сейчас он, выигрывая время, старался еще и сохранить деньги – один миллион триста тысяч американских долларов в трех банках.

Все равно узнают, кто месяц назад купил за четыреста тысяч пышный дом, а руины позволяли оттянуть этот момент. Среди головешек труднее найти отпечатки пальцев, чтобы, покопавшись в своих картотеках и сделав запрос в Интерпол, выяснить личность хозяина, а затем заморозить счета в банках на его имя. Сразу не заморозят, вначале должны получить санкцию в суде. Сейчас объявили войну террористам, все вопросы, связанные с террором, теперь решались молниеносно, пресекались на ранней стадии.

И снова Марк выругался, удивляясь скорости, с которой эта девчонка лишила его в одночасье и дома, и миллиона с лишним. «В конце концов деньги, нажитые нечестным путем, долго в кармане не держатся», – философски заметил Сергей, острым ножом проделывая в мешке отверстие.

– Лей сюда, – распорядился он, указав глазами на канистру. – Можешь не нюхать, это обычный керосин.

Марковцев поднялся по уютно скрипучей лестнице на второй этаж. Первым делом извлек из тайника документы, кредитные карточки, наличные – несколько тысяч драхм, долларов и немецких марок. Багажная сумка со всем необходимым всегда стояла наготове. Так же в полной готовности под навесом для машин дожидался хозяина темно-вишневый фургон «Крайслер-Вояджер» 97-го года выпуска, приобретенный Марковцевым в Афинах на имя Марка Натановича Гомана.

Из документов, которые Марк взял с собой, у него имелись водительские права международного образца и паспорт на имя подданного Российской Федерации Земскова Сергея Михайловича, – то была палочка-выручалочка, очень «чистый» паспорт, выданный ему, как секретному агенту управления контрразведки ФСБ, профильным отделом этой же организации.

– Десяти минут нам хватит. – Марковцев появился в сером расстегнутом пиджаке, открывающем плотную майку, и темных брюках. Он не был похож на того человека, который буквально три минуты назад оставил Марину. Сейчас его облик внушал уважение, дышал уверенностью, надежностью; преобразился даже его взгляд: сейчас Сергей смотрел открыто, полным разрезом своих темных глаз. И... улыбался. Хотя нет – усмехался. Над своей малолетней гостьей.

Насмешка шла его чуть продолговатому лицу, темным глазам, носу с горбинкой. И он не жалел, нет, похоже, ни капли не жалел о случившемся. Вот если бы Маринку лишили такого богатого дома, она, прежде чем покинуть уютные стены, раздолбала бы их в отчаянии своей непутевой головой.

Сильный человек, вывела она такую же могучую характеристику на своего спасителя. И то ли спросила, то ли в утвердительной форме с выражением воспроизвела очередную лесть:

– Вы не побоялись.

– Ты любишь сказки? – спросил Марк. – Я сочинил недавно одну. Деревенский кот, которого хозяйка постоянно гоняла веником, удивляется домашнему, городскому: «Ты не боишься веника?!» – «Чудак, – отвечает городской, – я боюсь пылесоса».

Марина улыбнулась и посмотрела на руки Сергея.

– Что это? – спросила она, указывая на пару предметов, один из которых видела впервые.

– Электронные часы и детонатор, – пояснил Марк. – Ну а это, – он похлопал по мешку с селитрой, куда Маринка налила топливо, – взрывчатое вещество. Все, у нас пять минут, – закончил Сергей, устанавливая на часах время и бережно опуская их, дабы не сорвать тонкие проводки, соединяющие таймер со взрывателем.

За пять минут мощный, но в то же время элегантный «Крайслер» доставил их на самую высокую точку этой местности. Отголоски взрыва долетели сюда через опущенное стекло.

И снова с опозданием до девочки дошло, что ее несколько не тронула смерть по крайней мере двух человек, которых она хорошо знала. Пусть они негодяи, подонки, но почему так вышло?.. Любая смерть должна вызывать хоть какие-то эмоции, пусть даже отвращение.

«А что, – думала она, подгоняя мысли под свое непонятное состояние, – вот Иваненко умер отвратительно. А Приходько упал, как бревно. А Ратман...»

Желудок ее все же отреагировал. Хорошо, что стекло было опущено, и Сергей, вовремя сбросив скорость, съехал на обочину...

Прикурив и выйдя из машины, он вдруг подумал о лживой пропаганде, частенько появляющейся в средствах массовой информации – недостатка российских газет в Греции не ощущалось. Почему, размышлял он, кто-то видит положительное в отвращении к убийству? Что, действительно дорогого стоит облеваться, как эта девочка, согнувшаяся пополам, увидев, как он отправил на тот свет негодяя? Ничего это не стоит, пустая болтовня. От ремесла, пусть оно даже самое кровавое, не должно тошнить. Не выворачивает же ассенизатора с каждым вынутым ведром дерьма из выгребной ямы. А в скотобойне что, рабочим выдают индивидуальные гигиенические пакеты? Или там работают скоты, потенциальные убийцы? А солдаты, чувствуя отвращение, не были бы солдатами, сидели бы в окопах, полных рвоты.

Нет, убить человека – штука несложная, особенно кому не место на земле, сложнее прожить с памятью, этим хранилищем скверны, самого плохого, что было в жизни; хорошее почему-то прорывается сквозь любые преграды и улетает прочь. Память – штука не простая. Если на свою не грех пожаловаться, то на чужую – нет. Чужая всегда идеальна.

А эта девочка... Что ж, природа просто предупреждает ее и делает это только один раз – дальше пусть думает сама. Никто не сможет предупредить авторитетнее и сильнее. И опять же от случайностей никто не застрахован. Однако и здесь чувствуется мудрая рука природы, уже давшая свою порцию микстуры.

«Да, только один раз, – покивал в такт своим мыслям Сергей, – только раз. – И повторился: – Ничего это не стоит, дается бесплатно».

Марк почувствовал нежность к девочке, словно был вампиром и дал ей вкусить крови. Нет, он не приобщал ее к части своего ремесла, своей сущности, но через него, как через посредника, дошла до нее еще одна житейская мудрость. Он посмотрел на нее по-иному, действительно нежно и приободрил глазами: «Все хорошо».

Марковцев учел все, но только не особенности въезда в столицу Греции. Номер «Крайслера» оканчивался на тройку, и полицейские, беря пример с российских коллег, укрылись за рекламным щитом на въезде в Афины. При появлении нарушителя на крыше патрульной машины вспыхнули проблесковые маячки, озвученные короткой предупреждающей сиреной. Вслед за этим последовал недвусмысленный жест смуглолицего постового, приказывающего водителю фургона остановиться.

Сергей выругался. Не глуша двигатель, он поставил машину на ручной тормоз. Водительское удостоверение вложил в паспорт, туда же, недвусмысленно выставляя четверть, сунул стодолларовую купюру.

Полицейский заглянул в салон, оставив без внимания приветствие девочки-подростка, скорее всего дочери этого Аристотеля Онассиса, припасшего своеобразный отрывной талон. Игнорируя сами документы, полисмен потянул купюру и шагнул в сторону, давая понять, что инцидент исчерпан.

– Я довезу тебя до российского посольства, – сказал Марк, когда «Крайслер» снова набрал скорость. – Пусть там решают, что с тобой делать. Думаю, через пару дней ты будешь дома.

И все. До самого посольства они не проронили ни слова.

– Вы ничего не хотите сказать мне... на прощанье? – Маринка открыла деверь, но выходить не спешила.

– Хочу. – Марк выдержал паузу. – Черт тебя принес на мою шею!.. Погоди, Марина, – он в первый и последний раз назвал ее по имени. Сунув ей в руку несколько купюр, сказал: – Пригодятся в дороге.

Он не захотел видеть ее заслезившихся глаз. Глядя перед собой, ждал, когда Маринка выйдет из машины. И подождал еще немного, пока охранник у ворот посольства не увел девочку за собой.

Глава VI «ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ»

«Ряд федеральных ведомств готовы выступить с инициативой о введении в России нового государственного праздника – Дня сотрудника подразделений спецназначения. Предположительно он должен отмечаться 29 августа. «Уже не первый год в этот день в Кремлевском дворце проходят торжественные приемы, где от имени главы государства чествуют сотрудников спецназов», – заявил начальник Главного управления кадров и кадровой политики МВД генерал-лейтенант Александр Стрельников. Генерал сказал, что, возможно, уже в ближайшее время последует соответствующее обращение к президенту РФ. Начальник Генштаба Вооруженных сил Анатолий Квашин также не исключил, что праздник спецназовцев действительно будет установлен».

14

Москва, 29 ноября, четверг

Репортер московского телеканала Алексей Щедрин в редкой толпе своих коллег ожидал появления в Шереметьево очаровательной подруги Бориса Кесарева. На интервью с Элеонорой Савицкой никто из четырех поджидавших ее репортеров не надеялся. Их задача – броситься навстречу молодой женщине, нацелиться видеокамерами, ослепить ярким светом, задавить видимой тяжестью массивных микрофонов с логотипами телекомпаний: «Элеонора Давыдовна, как чувствует себя господин Кесарев? Явилось ли для него неожиданностью решение французских властей? Как он встретил это известие? Его взяли под домашний арест у вас на глазах? Что вы испытали при этом?»

Ни на один вопрос она, конечно же, не ответит. Скорее всего, низко склонив голову, стремительно пройдет по залу в окружении телохранителей. А может, она окажется без сопровождения? Вот тогда у четверки журналистов появится возможность окружить ее со всех сторон. «Четыре элемента вокруг пятого элемента, совершенного существа».

Кроме прессы, в зале прилета международного аэропорта Шереметьево-2 собралась многочисленная толпа встречающих. Много цветов, улыбок, волны возбужденного шепота... который вдруг сменился на недовольный ропот: сразу два самолета задерживаются на час, включая и борт с «пятым элементом». Подсознательно главным виновником стала диктор, стрелочница, объявившая о задержке рейсов.

«Да, хотел произвести посадку рейс номер 13...» – вздохнул Алексей, бросив взгляд на часы. Он и так не очень обрадовался заданию полковника Гришина – запечатлеть прилет Савицкой и прокомментировать снятый материал в вечернем выпуске новостей телеканала МТВ-5. Возню вокруг Элеоноры Алексей считал дерзким налетом. Главное в этой непристойной акции – облик женщины, на ее фоне начнется строительство очередного сюжета об изгнаннике, его проигрыше. Было бы от чего оттолкнуться. А простой репортаж про интригана-дельца неинтересен, даже репортажем это не назовешь – так, сообщение, пришедшее по каналам Интерфакса.

Голос диктора объявил о прибытии рейса Афины – Москва. Встречающие этот борт пришли в движение.

Щедрина тронул за плечо невысокого роста оператор, одетый в пуховик коричневатого цвета.

– Пойду покурю, раз такое дело.

– Кури здесь, – недовольно отозвался репортер. Но все же принял от помощника видеокамеру и повесил ее через плечо. Свободной рукой Алексей набрал на сотовом номер и, настроив свои голосовые связки на извиняющийся лад, поздоровался:

– Здравствуйте еще раз, Николай Григорьевич... В контору подъехать не смогу – парижский рейс задержали на час. А если заеду, не успею подготовить материал к вечернему выпуску... Хорошо. Договорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.